

18+

Мелисса Ролос

Не люби

*Моя любовь тебя
погубит*

Мелисса Ролос

Не люби. Моя любовь тебя погубит

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50173054
ISBN 9785449809681*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он сводил меня с ума, словно наркотик. Человек не выбирает кого ему любить. Выбирает сердце. Чаще всего оно не смотрит – плохой человек или хороший, оно начинает любить все его недостатки. Любит просто за то, что этот человек есть, и неважно какой он: плохой или хороший, злой или добрый, страшный или красивый..... Этот город сломал меня. Сначала убил во мне все живое, а потом заставил жить... Или, скорее, выживать в этом мире...

Содержание

Книга 2	5
XXVI. ГИТИС	5
Книга 2.	6
XXVI. ГИТИС	6
Книга 1	7
I. Новый город	7
II. Ночь	19
III. Вадим	32
IV. Незванный гость	44
V. Первое сентября	56
VI. Условие	71
VII. Визит	83
VIII. Кто трогал мою скрипку?	95
IX. Вечеринка	103
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Не люби Моя любовь тебя погубит

Мелисса Ролос

© Мелисса Ролос, 2020

ISBN 978-5-4498-0968-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она потеряла сознание.

Она потеряла сознание.

Книга 2

XXVI. ГИТИС

Книга 2.

XXVI. ГИТИС

Книга 1

I. Новый город

– Мам, это правда, нужно?

– Да, милая! Там у меня будет более хорошая зарплата, и ты будешь ходить в престижную школу!

На это я лишь кривлю лицо и ухожу к себе в комнату собирать вещи.

Не могу сказать, что я в восторге от этой новости. Я вообще в принципе не люблю все эти переезды, потому что они не дают мне хоть как-то прижиться на месте и найти друзей. Вот уже два года как умер отец, а мама все не может найти место, где нам обеим будет хорошо.

Да. Нам сложно. Очень сложно. Но я понимаю маму и не виню ее ни в чем. Она и так пытается сделать все, чтобы я была счастлива, поэтому мы так часто и переезжаем. Она старается для меня. Но довольно часто во мне просыпается жуткое желание помочь ей хоть в чем-то, но я не знаю в чем.

А что я могу сделать? Я обычный тинэйджер, который даже работать не может официально. Поэтому я стараюсь радовать маму своими отличными оценками в школе, игрой на скрипке и всегда занимаюсь домом в ее отсутствие, ведь она очень устает на работе, и у нее просто нет времени, что-

бы готовить, убираться, стирать и все такое прочее.

Вспомнив о том, что я даже не знаю дату отъезда, я вернулась обратно на небольшую кухоньку, где был лишь кухонный гарнитур, стол, несколько стульев, газовая плита, холодильник и микроволновка. Мама сидела за столом. Ее локти упираются в стол, накрытый белой скатертью в цветочек, а пальцами она зарылась в свои блондинистые волосы.

– Мам? – тревожно позвала я ее, и женщина сразу подняла на меня свой взор серых глаз.

– Ты что-то хотела?

– Нет. То есть... Да! Когда мы уезжаем?

– Через несколько дней, чтобы еще успеть подать заявление в школу. Август кончается, а нам еще нужно прикупить тебе самое необходимое к учебным будням.

Я кивнула и хотела уже выйти из кухни и пойти в свою комнату, но задержалась на пороге.

– Мам, что-то случилось?

Она вздохнула, потерла переносицу, сложила руки на столе и сказала, что все хорошо. Я не поверила. Моя мама никогда не умела лгать. Но я сделала вид, что поверила ей. Моя мама считает меня еще совсем ребенком, хотя я знаю о жизни уже довольно многое и знаю как ей тяжело без отца. Мне тоже тяжело. Но я держусь и пытаюсь поддерживать маму.

Захожу в свою комнату, закрываю дверь и скатываюсь на пол, запуская руки в волосы, как пару минут назад сидела мама. Очень часто я чувствовала пустоту где-то внутри. Это

появилось после того, как папа ушел. Наверное, я не чувствовала этого чувства из-за того, что папа был оптимистом.

При его жизни в нашем доме всегда стоял смех. Я приходила со школы и всегда слышала его шуточки, которые вызывали у меня бурю эмоций и широкую улыбку, а то и смех. Отец был моей опорой и защитой. Но после того как он ушел мы с мамой лишь существуем, а не живем.

«— Если у тебя есть какие-то трудности — всегда говори мне. Даже если я не рядом, ты можешь писать мне, звонить. Но никогда не держи в себе!» — сказал он мне однажды, когда я была еще совсем крохой и первый раз подралась с мальчишкой за то, что он обижал котенка. Я принесла этого котенка домой. Эти живодеры порвали ему ухо, а мне ударили прямо в глаз, где позже появился густой багровый фингал. Котенок до сих пор живет с нами, и назвали мы его Васей.

Когда мне, правда, очень трудно, я пользуюсь папиным советом. Его нет рядом, он очень-очень далеко от меня, но я завела толстую тетрадь и пишу туда все свои письма отцу. Пусть это и глупо, но я верю, что он их читает. Мечтать ведь никогда не вредно? Вот я и мечтаю, что отец смотрит на меня своими карими глазами и обязательно гладит меня по голове, как в детстве. Пусть я этого и не чувствую, но я в это верю!

«Добро пожаловать в Санкт-Петербург!» – гласила табличка перед въездом в этот город, который станет очередным нашим временным домом.

Смотрю на маму краем взгляда и вижу на ее лице улыбку. Она одной рукой держит руль, другой рукой держала тлеющую сигарету, а глаза так и сияют. Только я не понимаю, чему она так радуется. Моя мама – лягушка-путешественница, чего не скажешь обо мне. Мне хочется сидеть на одном месте, а не вот так вот скитаться по миру.

Я не люблю особо большие города, потому что статистика показывает, что в подобных городах очень много всякой дури. Но очень красиво с большой высоты ночью наблюдать да городскими огнями.

Я сама по себе романтик. Я читаю много романов, знаю, как пахнет весна, люблю ночной город, но сама никогда не любила и не была любима парнями. Почему-то они меня сторонятся. Все. Всегда.

В салоне заиграла «Serhat Durmus – Yolu Yok» – одна из моих любимых песен, и я прибавила громкость, подпевая.

– Осталось немного! – предупредила меня мама, на что я кивнула, продолжая смотреть в окно.

Еще один минус города – это количество людей в нем. Очень большое количество. И это я не люблю. Предпочитаю

одинокчество. Когда ты один, ты можешь довольно многое. Тебе не на кого надеяться, ты за все отвечаешь сам.

Машина остановилась возле многоэтажки, выложенной из красного кирпича. Мама припарковалась, я вылезла из машины и осмотрела двор. Он красивый, ухоженный, но на нем очень много детей и мамаш. Видимо гулять я здесь смогу только ночью, когда площадка уже опустеет. Главное, чтобы мама отпускала, а с ней придется очень долго договариваться.

Я схватила свой чемодан на колесиках и стала дожидаться маму, которая закопошилась возле машины. И чего она так долго? Не люблю ждать!

Наконец мама закрыла автомобиль, взяла свои вещи и направилась в сторону подъезда. Я последовала за ней. Она открыла дверь ключом, и мы зашли в обычный однотипный подъезд.

– Алис, вечером мне нужно будет тебя кое с кем познакомиться! – как-то возбужденно сообщила мне мама, на что мне захотелось громко фыркнуть.

Тогда мне все более чем ясно! Но ничего не выйдет. Если мама надеется, что я смогу принять совершенно чужого мужчину и пустить его в свою жизнь, то она ошибается. Папа умер всего два года назад, а она уже смогла найти ему замену. Я понимаю, что ей хочется быть счастливой, что совсем скоро я покину ее гнездышко, но ведь она сама еще совсем недавно ревела в подушку от того, как скучает по папе.

Квартира оказалась средних размеров, но для меня она показалась просто хоромами. Я привыкла ютиться в малюсенькой комнатке, а тут такой простор.

Сразу переступив порог новой квартиры, мы уже оказались в гостиной. Из нее выходило пять дверей. Как позже выяснилось, одна вела на кухню, другая в ванную комнату, совмещенную с туалетом, а оставшиеся три были комнатами. Мама предоставила мне первой выбрать комнату, и я поспешно выбрала ту, что ближе к ванной. К тому же она оказалась самой просторной.

Поставив чемодан у стены своей новой комнаты, я поспешно осмотрела ее.

Стены покрашены в какой-то персиковый оттенок, а вся остальная мебель оказалась темных тонов. Даже люстра и шторы выглядели как-то мрачно. Но мне понравилось.

Мечтательно вздохнув о новой жизни, я рухнула на кровать, которая была двухместной. Такой кровати у меня еще никогда не было.

Напротив кровати стоит большой платиновый шкаф с зеркальной поверхностью, что тоже пришлось мне по душе. В углу комнаты стоит дубовый стол с креслом на колесиках, а на столе... ноутбук! Совсем новый!

Но моя радость тут же исчезла, когда я вспомнила о предстоящем вечере. Очень удобный ход меня задобрить. Но нет. Я даже не прикоснусь к нему.

Весь день я провела в своей комнате, читая очередной же-

стокий роман, где одни из главных героев трагически погибают. Из-за своей мнимости я каждый раз плачу из-за таких моментов, но все равно продолжаю читать эти книги. Глупая...

– Алиса! У нас гости!

Услышав крик матери на всю квартиру, я невольно скрипилась. Стоило ли говорить, что никакого ужина и знакомства я не хочу? Нет. Я сомневаюсь, что мое мнение вообще кого-то волнует.

На самом деле жизнь – тяжелая штука. В жизни человека ничего не интересует, кроме него самого, его проблем и его интересов.

Но я знаю, что мама не такая. Ей важно мое мнение, и я знаю, что она имеет право на счастье, но мне трудно принять тот факт, что какой-то мужчина попытается заменить мне отца.

Кто я в этой жизни? Никто. Жалкая пылинка, которая ничего не стоит. Никого не волнуют мои чувства, мои желания... Я никто. И звать меня никак.

Тем не менее, я убираю книгу на полочку над кроватью, встаю с кровати и выхожу из комнаты. Нет, я не буду обижать маму. Она у меня хорошая и правда заслуживает счастья, как никто другой. Пусть это будет хоть самый мерзкий тип, но при этом мама будет любить его, то я вытерплю его присутствие в нашей жизни.

– Вот, Алиса, знакомься. Это Александр!

В коридоре меня встретила мама и довольно молодой парень, еще даже не созревший до звания мужчины. Я бы дала ему лет двадцать, может быть двадцать один.

Одет он в черный смокинг, светлые волосы красиво уложены, на щеках щетина и невероятная улыбка. Да. Он красивый. Одни только ярко-голубые глаза чего стоят. Но разве может мама начать отношения с таким молодым? Это же... пошло. Он мне в братья годится, а не отцы.

– Можешь называть меня просто Алекс! – подмигнул он мне, улыбнувшись, от чего на щеке появилась милая ямочка.

– Александр, а это моя дочь – Алиса! – представила нас друг другу мама.

– У Вас невероятно красивая дочь, Ольга! – подметил он. – Только жаль, что девушка не носит платья...

– Извините, Алекс, – вдруг перебила его я, смущенно. – Я зачиталась и совсем забыла переодеться! Если Вы позволите, то я схожу и переоденусь?

– Не стоит! Это совсем не важно!

– Что же... – мама хлопнула в ладоши и первая направилась на кухню, где уже был накрыт торжественный стол. – Пройдемте же к столу!

Мы с Александром переглянулись, он улыбнулся мне, я почувствовала, что покраснела, поэтому поспешила к столу. Почему-то мне жутко неудобно из-за того, что мама в платье, гость в смокинге, а я... в джинсах и толстовке. Да и на голове черте что. А тут еще беседа ведется в светском стиле

каком-то.

Мы какое-то время молча кушали приготовленную мамой еду, и каждый думал о своем. У меня не выходила мысль из головы, как мама могла закрутить с таким молодым. Это ее дело, конечно, но... Ох.

– Алиса, в каком классе ты учишься? – спросил вдруг Александр, кладя вилку на стол.

– Я перехожу в десятый! – сдержанно ответила я.

– И на кого планируешь идти учиться после окончания школы?

– На актерское.

Он хотел еще что-то сказать мне, но я поспешно перебила, обращаясь к маме. Я не люблю, когда вмешиваются в мою личную жизнь и пытаются залезть ко мне в душу, поэтому зачастую испытываю в подобных ситуациях страх.

– Мам, а что за ноутбук стоит у меня в комнате?

– Вообще-то... – мама замаялась и как-то странно взглянула на светловолосого парня. – Александр подарил мне его по поводу того, что я перехожу работать в их фирму, а я подумала, что мне хватит моего старого, а вот ты давно уже мне уши прожужжала про компьютер.

– То есть... Мам, Алекс не твой новый... кхм... ухажер?

Гость вдруг закатился громким смехом, а мама подхватила его. Они смеялись надо мной, а я поняла, что оплошала.

Я опять медленно залилась краской, и это не из-за того, что мы с мамой попали в неловкую ситуацию. В более нелов-

кую ситуацию попала я сама, потому что считала Алекса маминым любовником.

— Нет, Алиса, — отсмеявшись, сказал мне он. — Мы с твоей мамой просто вместе работаем теперь и никаких... интрижек!

Я робко улыбнулась и уткнулась в тарелку, стараясь больше вообще не разговаривать. Вот это глупость я сморозила! Что же обо мне теперь подумает этот мамин сотрудник? Боже!

Как оказалось, Алекс унаследовал фирму в таком раннем возрасте (ему двадцать два) от отца, которые не так давно попал в аварию и разбился насмерть. Несмотря на то, что коллеги не совсем принимают его за начальника, он более менее со всем справляется, но не так давно кто-то ему посоветовал мою маму как отличного заместителя, и он решил предложить ей эту работу, которую мама, конечно же, не упустила.

Иногда этой парочке все же удавалось вытянуть из меня несколько реплик, но в основном я предпочла просто молчать и не высовываться. Все же я еще слишком маленькая и глупая. А еще мне следует следить за своим языком!

Когда на улице уже стемнело, Алекс засобирался уходить. По нему было видно, что моя и мамина компания ему пришлась по душе, потому что он вел себя уже более расслабленно, шутил и вообще чувствовал себя свободнее. С мамой они легко общий язык нашли, что тоже мне понравилось. Значит, работать будут хорошо.

– Ну что, коллега, – улыбнулся Алекс маме, обуваясь в свои черные туфли. – Надеюсь, что мы сработаемся!

– Ох, Алекс, тоже безумно на это надеюсь! – горячо закивала мама, а я просто стояла и смотрела на нее со стороны, улыбаясь.

– Эй, Алиска, – позвал меня парень, и я послушно подошла ближе. Он наклонился ко мне и заговорщицким шепотом сказал: – Приходи ко мне в офис завтра, часа в два дня. Думаю, что ты просто обязана познакомиться кое с кем!

Он подмигнул мне, и я смогла найти в себе силы кивнуть ему и улыбнуться.

Мама и Алекс распрощались, после чего светловолосый покинул нашу квартиру.

– Ну как он тебе? – спросила меня мама, закрыв дверь за гостем.

Я облокотилась о стену и, прищурившись, поинтересовалась:

– А почему ты интересуешься о моем мнении?

– Мне с ним довольно долгое время работать! – фыркнула мама, поняв мой намек. – А это говорит о том, что ты еще не раз его увидишь! Кстати, а что он тебе там шепнул?

– Ничего интересного, мам! – крикнула я и убежала к себе в комнату, запереившись на ключ.

Подошла к компьютерному столу и погладила крышку от ноутбука. Такой новый, красивый... Наверняка, хорошо навороченный!

Желание открыть крышку, и включить его было сильным. Но желание пойти, и прогуляться по тихой детской площадке было еще сильнее, поэтому я подошла к чемодану, достала теплый белый свитер и черные джинсы, рваные на колене. Облачившись в одежду, я подошла к зеркалу и стянула резинку со своих от природы темных, почти черных, волос. Волосы оставила распущенными по плечам.

Волосы – это моя гордость. Они у меня просто шикарны. Темные, густые и длинные. Их длинна достает мне почти до пятой точки. Но ухаживать за этими волосами – мука!

Как-либо краситься я не стала, потому что на улице мое лицо все равно трудно будет разглядеть. Да и кому это надо.

Глаза у меня были самые обычные, голубые. Губы полные и маленький нос. Также мне нравится, что у меня хорошо выделяются скулы. Не люблю щекастых людей. Не то, чтобы не люблю, но... В общем, мне просто не нравятся щеки.

Выбегаю в гостиную, подбегаю к входной двери, обуваясь, после чего кричу маме, что я пошла гулять и сваливаю, пока она нехватила меня.

II. Ночь

Выбегаю на лестничную площадку, быстро захлопываю дверь и пешком спускаюсь вниз, втыкая наушники в уши и включая свою любимую музыку. Прибавила звук на всю громкость и вышла из подъезда.

Захожу на пустой двор и иду к обычным качелям.

Я люблю качели с детства и могу часами просто качаться, слушать музыку, думать обо всем на свете. Мне не нужна какая-либо компания в этот момент, потому что моей компанией, моими друзьями были ночь, качели и музыка. Все. Больше ничего. И никого.

Сажусь на качели и отталкиваюсь ногами от земли, раскачиваясь. С каждым разом все сильнее отталкиваясь ногами, я взлетала в небо, как птица улетает куда-то в небо.

Часто я представляю себе, что я не одна на этих качелях. Я представляю себе отца. Я любила его. Любила сильнее, чем люблю маму. Я могла рассказывать ему многое, чего не могла рассказать маме. Конечно, по поводу этих дней я всегда подходила именно к ней, потому что папе моей проблемы не понять, но папа все равно был мне дороже нее.

Хотя кому я вру? Моим другом стала ночь вовсе не из-за того, что я так хочу. У меня просто никогда не было друзей. Если бы они были, то я, конечно же, хотела гулять с ними, веселиться, разговаривать и вместе слушать музыку. Я хочу

этого, но у меня никогда не было друзей. Я одиночка.

Я привыкла всегда быть одна. Привыкла садиться отдельно от своего класса в школьных столовых, привыкла сидеть одна за партой, привыкла гулять одна. Я ко всему привыкла и теперь совсем не нуждаюсь в этом. Это просто мелочи жизни, без которых вполне можно обойтись.

Внезапно мои качели остановились где-то на середине к балке, и я бы обязательно упала, если бы не держалась так крепко. В детстве мальчики часто делали так, чтобы я падала с качели на землю и плакала. Они всегда думали, что я побегу жаловаться родителям, но я не жаловалась. Никогда. Я просто вставала на ноги, вытирала слезы и опять садилась на качели, продолжая качаться им назло.

Меня отпустили, и я резко взмыла в небо. Затормозив ногами, я вынула наушник из уха и оглянулась. За моей спиной стоит небольшая компания из парней и девчонок, и все они хихикали.

– Эй, малышка, разве можно гулять так поздно одной на улице? – крикнул один из толпы, только в темноте я не смогла разглядеть кричавшего.

– Или ты слишком храбрая? – крикнула какая-то девчонка.

– А вам-то что с этого? – холодно спросила я, вставая с качели. Пусть мне и неизвестно чего эта компания от меня хочет, но я не позволю оскорблять себя или обижать. Сейчас папы нет в живых и защититься он за меня уже не сможет.

– Нам-то?! – один парень отделился из компании, и я смогла немного разглядеть его. У него оказались черные волосы (я предполагаю, что они были крашенные), темные глаза, высокие скулы, мощный подбородок и тонкие губы. По одежде и поведению можно легко сказать, что он из богатой семьи. – Нам вообще ничего с этого. Просто мы шли мимо, и увидели, что совсем одинокая девочка сидит одна на качелях. Мы предположили, что тебе одиноко, вот и решились подойти. Это не так?

– Нет, не так.

– Вот как! – наигранно удивился парень. – Значит, ребята, мы зря пришли. Здесь нас совсем не уважают!

– А что мы делаем, когда нас не уважают? – спросил рядом еще один парень, оскалившись при этом.

– Девочки, что мы делаем, когда нас не уважают? – спросил черноволосый у стайки девчонок.

Они захихикали, и одна из девчонок медленным шагом с походкой от бедра подошла ко мне. Она была типичной крашеной блондинкой с тонной косметики на лице, и, наверняка, она считает себя самой лучшей и крутой.

Блондинка приблизилась ко мне и, резко размахнувшись, ударила меня ладонью по лицу.

Это был словно сигнал для остальных девушек, так как они мгновенно приблизились ко мне и начали избивать до тех пор, пока я не рухнула на пол. Они царапались, пинались, вырывали мне волосы с корнем...

Мне ничего не оставалось, кроме как молча терпеть.

Отдаленно я слышала, что парни очень громко смеются над всей этой ситуацией.

– Чего же ты не кричишь, сучка? – спросила меня та самая блондинка, которая это все и начала.

Она схватила меня за волосы и приподняла над землей, повернув мое лицо на себя.

– Я выше этого! – спокойно сказала я. У меня даже не было слез. Все жутко болело, но я привыкла к боли, поэтому не плачу от нее.

– Выше этого?! – ближе подошел главарь, нависая надо мной. – Хочешь сказать, что ты даже выше нас? Отвечай!

– Выше!

– Сомневаюсь! – цокнул языком тот. – Это не мы сейчас лежим беспомощные на земле.

– Хоть в болоте, – сплюнула я. – Я все равно выше вас.

За свои слова я мгновенно получила кулаком по лицу от него. Во рту появился привкус металла, что говорит о том, что он разбил мне губу.

– Фас, девочки! – сплюнул он, опять присоединяясь к парням и наслаждаясь так называемым шоу.

Девочки продолжили пинать меня, а я начала закрывать голову руками, скрючившись на земле, и сейчас была безумно благодарна за то, что они хотя бы в простых кроссовках, а не на каблуках.

– Эй! – вдруг раздалось где-то совсем рядом.

Меня прекратили пинать, потому что девушки с интересом посмотрели в сторону того, кто осмелился прервать их и вмешаться.

– Оставьте девчонку в покое! – кричит все тот же парень, явно приближаясь к нам.

– А какого черта ты вообще лезешь в это дело? – спрашивает черноволосый.

– А какого черта вы до нее вообще докопались? – в манере главаря парировал парень. – Она же вам ничего не сделала даже, чтобы вы вот так жестоко к ней начали обращаться!

– Она оказалась очень острой на язык! – фыркнул тот. Девочки отошли от меня, и я смогла, наконец, подняться на ноги.

Парня, который осмелился вступить за меня, я не смогла разглядеть, так как он был в черной толстовке с капюшном, которая закрывает его лицо.

– Лучше не лезь в это дело и останешься целым! – предупредил вожак.

– Лучше оставьте девушку в покое, и вы не пострадаете! Произошедшее далее легко назвать дикостью. Трое парней отделились от компании и напали на него, жестоко избивая. Парень в капюшоне оказался неплох в бою, но все же у него было целых три противника, поэтому он все-таки упал на землю.

Девчонки из этой банды визжали и поддерживали своих, а я несколько раз пыталась вмешаться, но меня быстро отта-

щили, не позволяя подойти ближе.

Какое-то время его еще пинали, но в итоге оставили в покое.

Остался лишь черноволосый. Он навис над моим защитником, окинув его оценивающим взглядом и с довольным видом скала.

– Вот видишь? Если бы ты не влез, то спокойно ушел бы целым и невредимым. Больно тебе?

Парень в капюшоне молчал. Главарь подошел ко мне и ударил кулаком в живот. Я выдержала, но парень дернулся.

– БОЛЬНО? – повторил он свой вопрос, занося кулак для второго удара.

Он все так же молчал, поэтому черноволосый ударил меня опять, и парень наконец-то зарычал, поднимаясь на ноги.

Державший меня за руки парень, сильнее сжал мои запястья за спиной, от чего стало еще больнее. Но я не показывала свою слабость. И очень горда тем парнем, что заступился за меня, потому что он тоже терпит. И продолжает защищать, хотя самому изрядно влетело.

– Эй, баран, ты че еще не понял, что пока ты не скажешь о своем самочувствии, твоя баба еще не раз получит! – фыркнул вожак этих отморозков.

– С чего это тебя волнует мое самочувствие?

Я опять получила удар, но крепко стиснула зубы, не издавая ни звука.

– С того, что хочу узнать о проделанной мной работе. Хва-

тит тебе или можно еще немного отвесить.

– Ты хорошо постарался. Доволен? А теперь проваливай и оставь ее в покое!

Парень отошел от меня, направляясь к парню в капюшоне.

– Никогда. Не. Указывай. Мне! – по слогам проговорил он, резко сдергивая с юноши капюшон. – Так вот, что у нас тут за спасатель! Зимин! С каких пор ты стал защищаться за девочек?

– Не твое собачье дело!

Вожак опять замахнулся и ударил парня в челюсть. Парень упал, а ублюдки просто свалили, наконец, оставляя нас.

Я тут же бросилась к лежавшему, и положила его голову себе на колени. Не знаю в отключке он или нет, но он точно жив. Я решила просто подождать, когда он сам придет в себя, а сама оглядела его.

Лежавший на моих коленях парень, был красивый, безусловно. Даже не смотря на его ссадины и кровоподтеки, можно рассмотреть, что губы у него тонкие, прямой нос, выраженные скулы и темно-каштановый, с темным рыжим оттенком, волосы.

– Ты меня разглядываешь? – улыбнувшись разбитыми губами, спросил парень с закрытыми глазами.

Он открыл глаза, и я заметила, что они у него карие.

– Вовсе нет! – запротестовала я с серьезным видом.

– Я всегда чувствую, когда на меня смотрят. Особенно так пристально, как только что ты.

На это мне ответить нечего, поэтому я пожала плечами и поменяла тему разговора:

– Ты в порядке? Как себя чувствуешь?

– В полном. Я часто дерусь с этой шайкой, это стало привычкой. А ты как? ничего серьезного надеюсь?

– Нет, все хорошо, – я улыбнулась ему и вытащила из кармана джинс платок. Поднесла его к его губе и начала вытирать кровь. – Спасибо! – одними губами прошептала я.

– Не за что! – сказал он, разглядывая меня.

Я стерла кровь с его лица, оставшись довольной с проделанной мной работы. Заметив, что парень все еще смотрит на меня, странно улыбаясь, я спросила:

– Что?

– Ничего.

– Нет, правда, почему ты так смотришь?

– Ты красивая!

Я почувствовала, как краснею и смущенно улыбнулась. Стоит ли говорить, что меня никогда никто не называл красивой? Кроме родителей никто.

– Ты всем девушкам, которых спасаешь от бандитов, говоришь, что они красивые? – спросила я, заинтересованно.

– Обычно я не спасаю девушек! – нахмурившись, сказал он. – И тем более не говорю, что они красивые!

Я промолчала и посмотрела на небо.

Необычный выдался день. Точнее говоря, ночь. Через несколько дней мне уже идти в школу, а я пойду с побоями

на лице и теле. Просто супер.

– Можно я так и продолжу лежать? – спросил меня парень. Я перевела на него взгляд и увидела, что он тоже смотрел на звезды, все еще заменяя моими ногами подушку.

– А, может, встанем с холодной земли? – предложила я другую мысль.

Он вздохнул, и первый поднялся на ноги, подав мне руку. Я улыбнулась, приняла ее, и он помог мне встать. Мы сели на качели и просто молча продолжили смотреть на звезды.

Тихо. Спокойно.

Если бы не двойной скрип качели, то я бы легко подумала о том, что я одна здесь. Но нет. Этот странный парень с рыжеватым оттенком волос, который обычно не спасает девушек, а для меня сделал исключение, все еще сидит рядом и следит со мной за звездами.

На самом деле звезды шевелятся. Если долго смотреть на них, то можно заметить, как они медленно перемещаются.

– Ты приезжая? – спросил вдруг спаситель, не смотря на меня.

– Да. Мы с мамой только сегодня переехали... – просто ответила я, наблюдая за ним.

– Оно и видно! – фыркнул он.

– В смысле?

– Все знают, что ночью здесь не всегда безопасно гулять. Раз в неделю эти придурки собираются на этом месте. И тебе повезло выйти погулять именно в один из тех дней, когда

они приходят сюда.

– Да. Я всегда отличалась везением! – хмыкнула я, досадуя на судьбу. – Но сегодня появился еще один плюс.

– Какой?

– Я познакомилась с тобой.

– Ты даже не знаешь моего имени! – заметил он, переводя взгляд на меня.

– Это недолго исправить. Как тебя зовут?

– Вадим. Вадим Зимин. А ты?

– А я Алиса. Алиса Вольф! – улыбнулась я ему, протягивая руку. – Приятно познакомиться!

Парень пожал ее, но после нахмурился.

– Мы не друзья, Алиса, – вдруг сказал он. – Я не гожусь тебе в друзья.

– Что? В смысле?

– В том смысле, что мы никогда не будем друзьями! – холодно сказал он, резко спрыгивая с качели.

– Но почему? – не отстаю я, пытаюсь догадаться, в чем дело.

– Я плохой, понимаешь? Тот факт, что я спас тебя – это случайность. Я помог тебе и на этом все. Забудь меня. Я причиню тебе только боль.

– Я не понимаю. Что не так?

– Все не так, Алиса. Все! Мы не можем дружить. Никогда. Запомни это и не приближайся ко мне!

Он развернулся и пошел прочь со двора, но я вскочила

следом и бросилась за ним. Подбежав к нему, я схватила его за руку и остановила.

Нет. Я не хочу потерять друга в тот момент, когда он даже еще толком не появился.

– Подожди! – говорю я, замечая, что он все еще продолжает идти. – Остановись же!

Вадим все-таки послушался меня, но не оборачивался, предпочитая стоять ко мне спиной.

Я положила ладонь на его широкую спину, от чего он вздрогнул и сказала:

– Я не знаю что в тебе плохого. Не знаю, чем ты плох. Но ты спас меня! Спас меня от той банды и это их я могу называть плохими. Не тебя. Человека можно судить лишь по поступкам, это я и делаю. Вадим, пожалуйста, не отталкивай меня.

– Зачем ты цепляешься за меня? – глухо спросил парень.

– У меня никогда не было друзей. Я никогда не общалась со сверстниками, поэтому за то короткое общение, которое у нас было, я перестала чувствовать себя такой одинокой.

– Ты еще найдешь друзей. Город большой. Я не гожусь тебе в друзья. Кто угодно, но не я.

– Объясни мне почему! – потребовала я. – Если ты мне приведешь вескую причину, почему мне надо держаться от тебя подальше, тогда я отстану.

– Я хуже той компании, которую тебе довелось повстречать.

– Чем?

– Тебе нельзя знать. И я не должен об этом говорить.

Он резко развернулся и приблизился ко мне вплотную. Подняв мое лицо за подбородок, он поцеловал меня.

В этот момент время для меня остановилось. Я никогда раньше не целовалась с парнями, поэтому понятия не имею, как это надо делать. Он просто коснулся моих губ своими, а я замерла. Но когда я коснулась ладонью его груди, он отстранился.

Прижавшись лбом к моему лбу, он посмотрел мне в глаза.

– Я очень хочу быть твоим другом, Алиса! – прошептал он. – Но держись от меня подальше!

Он резко повернулся и пошел прочь от меня и с этого двора.

Мне хотелось догнать его, вымолить у него дружбу хоть на коленях, но я стояла на месте и смотрела ему вслед.

На мое лицо упала капля. За ней другая. Пошел дождь. А я все еще стояла на том же месте, будто ожидая, что Вадим еще вернется. Но его не было.

Мой телефон зазвонил. Мама, кто же еще. Кроме нее у меня никого и нет. Я одиночка. Была, есть и буду. Так уж мне повезло.

– Да, мам? – поднеся телефон к уху, произнесла я.

– Алиса, на улице дождь. Ты где?

– Я во дворе, мама.

– Что-то случилось?

– Нет, все в порядке.

– Тогда иди домой. Промокнешь и заболеешь еще.

– Нет, мам. Я позже приду. Все хорошо. Пока.

Я сбросила вызов быстрее, чем она успела что-либо ответить мне. Не хочу сейчас с кем-либо разговаривать. И домой не хочу. Мне нужно немного... Побывать одной.

Вообще-то я всегда одна, потому что у меня никогда не было, и нет друзей. Людей что-то отталкивает от меня, и я безумно хочу понять что именно. Но... Не знаю как.

Глубоко вздыхаю и все-таки иду домой. Вхожу в подъезд. Поднимаюсь по лестнице на свой этаж, игнорируя лифт, и захожу в квартиру.

Быстро сходяв в душ, я зашла в комнату, оделась в пижаму и легла на кровать. Меня очень расстроило то, что я не смогла найти друга. И у меня остался вопрос. Зачем Вадим меня поцеловал?

III. Вадим

Ухожу с этой проклятой площадки, стараясь не оборачиваться. Эта девчонка, Алиса, чем-то зацепила меня. Я не знаю чем, но есть в ней что-то такое, что заставило меня остановиться, а не пройти мимо, и помочь ей. Только вот зря я с ней познакомился. Она такая маленькая. Наивная. И беззащитная.

Я не знаю, зачем ввязался в эту драку, зачем вступился за нее, но сделанного не изменить. Я это сделал. И сейчас с разбитой рожей иду домой. Незаслуженно пострадал из-за какой-то приезжей девчонки. Раньше такого не было. Я никогда ни за кого не вступался. Не такой я человек.

Но Алиса потрясла меня тем, что мужественно вытерпела все удары этих ублюдков. Сначала эти продажные шкуры избили ее, потом главарь отмороzków Морозов бил ее кулаком в живот, пока я не сказал то, чего он хотел. Она смогла удивить меня. И смогла дать повод восхищаться ею.

Когда она касалась платком моего лица, вытирая кровь, я наблюдал за ней. Она чиста. Чиста, как маленький ребенок. У меня сестра такая же. Никакой корысти в ее действиях или глазах.

Идти домой совсем нет желания, но я знаю, что иначе опять лишь поругаюсь с отцом из-за этого. Ему хочется видеть хорошего сына, который вскоре после него самого уна-

следует семейное дело, семейный бизнес, но мне это не интересно. Зачастую я прогуливаю школу, не интересуюсь отцовским бизнесом, не хожу на всякие встречи вместе с ним. Светская жизнь не для меня. Я хулиган. И мне плевать на желания отца.

Когда мама еще жила с нами, я был более менее послушным и прилежным. Я ходил в школу, ни с кем не дрался, получал хорошие оценки и любил сидеть у отца в кабинете, пока он решает всякие проблемы с бумагами. Но потом она ушла, оставив меня и Веронику на попечение отца и нянек. Она выбрала другую жизнь. Более лучшую, чем эта.

Я долго не понимал, чего же ей не хватало в жизни со мной, Вероникой и отцом. Понял тогда, когда сам это испытал. Ей не хватало свободы.

После ее ухода ни одна нянька не могла справиться со мной. Я будто обезумел. Мне все перестало быть интересным. И я стал жить сам по себе, наплевав на все правила и требования отца.

Я был тем, кем хотел быть, и начал делать то, чего хотел. Мне стало пофигу на запугивания и угрозы отца, потому что он все равно ничего не мог бы сделать мне. Я – его выродок. Родной сын как никак.

– Вадим, это ты? – слышу голос младшей сестры, когда только переступил порог дома. Веронике всего шесть лет, а когда ушла мама, ей было два года. – Вадим!

Девочка тут же запрыгнула на меня, и я крепко обнял ее,

прижимая к себе. Она была моим лучом света во всей этой тьме, в которую я погряз. Она ничего обо мне не знает, видит во мне заботливого и любящего брата, но на самом деле я в полном дерьме. Захлебываюсь в нем. Тону. Но она об этом никогда не узнает. Она еще маленькая. Может быть потом как-нибудь...

– Вадим, почему ты пришел так поздно? – тихо спросила меня сестра, положив голову мне на плечо. – Ты же знаешь, что я не ложусь спать без тебя! И почему у тебя болячки?

Она аккуратно коснулась пальчиком моей ссадины на губе, а я скривился от боли, отдергивая лицо.

– Малая, прости! – ответил я, улыбнувшись. – Пошли, ляжем спать.

Я проигнорировал ее вопрос о моих ранах, потому что ей еще рано знать всего, что творится в этой чертовой жизни. Пусть она живет в своем розовом мирке.

– Будем слушать музыку? – тут же оживилась девочка, прыгивая с моих рук на пол.

– Нет, – засмеялся я и беру ее за руку, направляясь к лестнице. – Я включу музыку, и ты ляжешь спать! Я просто побуду рядом с тобой какое-то время.

– А как же ты? Ты не будешь спать со мной?

– Нет, ты же уже большая девочка!

– Твоему брату еще нужно серьезно поговорить со мной!

Свет в помещении загорелся, ослепляя не привыкших к нему нас. От холодного тона мужчины, стоящего в несколь-

ких шагах от нас в строгом деловом костюме, по моему телу пробежали мурашки, а Ника крепко сжала мою руку.

Мы оба боимся его, но никогда не показываем своего страха. Этот мужчина умеет наводить страх, но лишь лает, а никогда не кусает!

– Ты меня спросил, хочу ли я с тобой разговаривать? – в его тоне бросил я, и пошел с сестрой в ее комнату.

– Ты не сможешь, вечность убегать от разговора! – послышался голос отца за моей спиной, от чего я резко крутанулся на месте, смотря в его холодные голубые глаза.

– Я не убегая от разговора с тобой! Я просто не хочу с тобой разговаривать!

С этими словами я покрепче ухватился за руку сестры и повел в ее спальню.

– Почему папа так не любит тебя? – спросила Вероника, опуская мою руку и подходя к зеркалу, чтобы привести себя в порядок перед сном. – Почему вы постоянно ругаетесь?

– Все сложно, Ник! Все сложно...

Я тяжело опустился на желтый пуфик, стоящий возле кровати моей сестры. Сколько помню, она никогда не любила розовый, поэтому потребовала у отца комнату желтого цвета. Сначала он не хотел уступать, пытался втолковать ей, что все девочки любят розовый и должны ухаживать за собой, на что Ника отвечала, что она не все и добилась своего.

В отражении я вижу, как мелкая заплетает из своих длинных рыжеватых волос две косички. Она уже настолько при-

выкла к самостоятельности, что отказалась от всех нянек, которых нанимал для нас отец.

Волосы нам с ней достались от матери, но все же мы с сестрой были разные. Ника больше похожа на отца. У нее такие же большие голубые глаза, прямой нос, высокие скулы, худоба. От мамы ей достались только пухлые губы. Она больше напоминала мне куклу.

– Расскажи мне о маме! – вдруг попросила девочка, ложась в постель.

Меня удивил ее вопрос, но я не подал виду. Видимо, у моей сестры тоже есть от меня секреты. Она скучает по маме и ей не хватает поддержки.

Я достал свой телефон, включил любимую музыкальную группу сестры и лег рядом с ней, обнимая за хрупкое тельце.

– Она безумно красивая, Ника. Свои губы ты унаследовала от нее, но все остальные черты лица на тебе отцовские. Она была заботливой матерью, но ушла от нас, потому что отец лишал ее свободы. Я помню, что она любила возиться с нами. Целовала меня в лоб перед сном, рассказывала сказки, пела песни...

– Может, ты споешь мне что-нибудь из тех песен, которые она пела тебе? – перебила меня Ника.

– Ты же знаешь, что я не умею петь! – возразил я.

– Умеешь. Я помню, что три года назад ты состоял в какой-то группе, где был вокалистом. На самом деле отец всегда гордился тобой. Твоими достижениями в спорте, твоим

голосом. Я не знаю, что сейчас происходит в твоей жизни, но я не слепая, Вадим!

Ответить мне было нечего. Она права. Раньше мы не так собачились с отцом. Но это было лишь до тех пор, пока я не связался с бандой...

Я выключил музыку, играющую на телефоне. И я запел. Запел одну из тех песен, которая так полюбилась мне в детстве.

Голос немного хрипел от непривычки и сигарет, которые стали неотъемлемой частью меня, но я все равно тихо пел. Вероника слушала меня, затаив дыхание, но в итоге сон сморил ее, и она уснула, прижавшись ко мне своим маленьким телом.

Прекратив петь, я взял большого мишку, которого сам когда-то ей подарил, аккуратно встал с кровати и положил на свое место медведя. Сестра недовольно зашевелилась, что-то пробормотала, но все-таки не проснулась.

Я вышел из комнаты, тихо прикрыв дверь, и пошел к себе в спальню. Безумно уставший, я лишь хотел упасть на кровать и уснуть крепким сном, но на моей кровати меня ждал отец.

– Мы так и не поговорили, – заметил он, поднимаясь с моей кровати.

– Нам не о чем разговаривать! – бросил я, взял полотенце в руки и пошел в душ. Отец направился следом за мной.

– Мне надоело терпеть твое отвратительное поведение! –

угрожающе говорит он, наблюдая за тем, как я медленно снимаю с себя одежду и залажу в душ. – Ты уходишь из дома, когда хочешь, приходишь в любое время, куришь, даже не стесняясь, а сегодня еще и избитый пришел!

Я включил воду, настроив на прохладную волну, и нехотя слушал отца. Отвечать что-либо на его слова не стал, поэтому он продолжил дальше. Неужели он сам не понимает, что разговаривает со стенкой?

– Скоро начнется школа, одиннадцатый класс, и тебе, черт возьми, сдавать экзамены! Чем ты думаешь вообще? О чем думаешь?

– Бать, тебя вообще не касаются мои дела! Я же в твои не лезу! – не выдержал я, смывая мыло с тела.

– Ты мой сын! – повысил на меня он голос.

– Дальше что?

– Я – уважаемый человек в этом городе. Ты просто позоришь мое и свое имя!

– Мне плевать!

Я вышел из душевой кабины, обтерся полотенцем и нацепил сменные чистые вещи. Отец стоял на проходе, и вид у него был тот еще. Такой грозный взгляд, руки скрещены на груди, челюсть напряжена. Он думает, меня это напугает или что?

– Ты заставляешь меня начинать крайние меры, – предупредил он холодно.

– И что? Что ты сделаешь? Сдашь меня куда-нибудь? Или,

может быть, грохнешь?

От последней фразы отец вздрогнул, явно вспоминая ту ужасную ночь, когда он очень сильно облажался. Его могли бы посадить на несколько десятков лет за изнасилование и убийство, а потом еще и сокрытие трупa, но хорошая взятка помогла ему избежать срока. Он серьезно трусил тогда и даже понятия не имел, что я все видел

Но сейчас правда всплыла. Он знает, что я все знаю и все видел. Если я сейчас пойду в ментовку и подниму то дело, то отцу не поздоровится. Но я этого не сделаю. Но не из-за отца. Мне его совсем не жалко, и я считаю, что он заслуживает гнить на зоне. Я делаю это ради младшей сестры. Ради Вероники.

– Вадим, пожалуйста, не выводите меня из себя...

– Да пошел ты!

Я толкнул его плечом и вылетел из ванной, хватая по дороге кожанку и ключи от мотоцикла.

Выбежал из дома, вывез из гаража свой мотоцикл и рванул на самый грязный район этого городишка.

Мой отец только строил из себя ангела, на самом деле на нем столько грехов, что он никогда не отмоется. Его место в Аду, а не рядом со мной и Вероникой. Он говорит, что я позорю его имя, но он его сам запятнал всего несколько лет назад, когда пришел домой пьяный с какого-то корпоратива и начал домогаться нашей няньки. Она не хотела ему давать, но в итоге он изнасиловал ее, а после, в самом разгаре инти-

ма, задушил. Труп он спрятал, но девушку искали и нашли. Все улики показывали на отца, но он откупился. После этого он перестал быть отцом для меня.

Вот вижу знакомое темное заброшенное здание, где обычно мы все и собираемся. Сюда мало кто заходит, потому что все боятся каких-то призраков, которых тут и в помине не было. Просто люди любят выдумывать сказки.

Прямо возле входа тусуются несколько ребят, которые уже явно успели покурить какую-нибудь травку или дурь. Они под кайфом.

– Оо, Вадим! Братан, давай, подваливай! Там как раз несколько косячков для тебя осталось!

Я снял шлем, слез с байка и оставил его стоять прямо возле входа. Подойдя к ребятам, я пожал руки пацанам, кивнул обгашенным курицам и пошел в само здание, в самую гущу событий.

– Зимин! – радостно всплеснул руками главарь этой банды, приятельски обнимая меня. – А мы уж думали, что сегодня не увидим тебя!

– Да я там, в передрагу попал, ничего страшного! – ухмыльнулся я, смотря на три заманчивые белые дорожки. – А что-нибудь получше косячков имеется?

Глаза Ромы блеснули в темноте, и я отчетливо вижу, как его рука потянулась к карману куртки. Медленно он вытащил шприц и как-то странно посмотрел на меня.

– Ты никогда раньше даже не думал о таком, – тихо сказал

он, будто хотел отговорить меня, но мои глаза не отрывались от этого шприца.

– Время идет. Все мы растем и развиваемся... – я усмехнулся и потянулся рукой к дозе, но Рома спрятал ее обратно в куртку.

– Я не знаю, что у тебя сегодня такого случилось, и из-за чего ты с кем-то почесался яйцами, но садить на иглу я тебя не буду. Ты хороший пацан, поэтому расслабляйся лучше феном или косяками. Любая дурь, но не игла.

Я хмыкнул, но не стал спорить. Если Рома сказал, то он сделает и от своего слова не отступится.

Упал на старый пыльный диван и ко мне сразу подошла одна из местных шлюх. Вообще она из приличной семьи, отличница, но здесь она другая. Она перепробовала многие виды наркотиков, она переспала с каждым из нашей компании, включая меня и Рому, она взяла от жизни все, что только можно, поэтому ей просто стало скучно жить.

Я не представляю, как можно перепробовать за семнадцать лет все, что только можно и устать от жизни. Это просто какой-то бред. Но нет, живое доказательство этого сейчас сидит у меня на коленях и нежно ласкает мою шею мягкими поцелуями.

– Подожди секундочку, милая! – улыбнулся я ей, коротко поцеловав в пухлые губки.

Она слезла с моих колен, я приблизился к столику с косяков и втянул в себя все три дорожки. После этого уже нача-

лось мое веселье. И милая Полина помогла мне полностью расслабиться после этого трудного дня, который принес мне только одни неприятности.

Все было как всегда. Это и была моя привычная жизнь, после ухода мамы из моей жизни. Я был плохим мальчиком, жил среди наркотиков, убийств и всего прочего, но зато на мне не висело никаких обязанностей. Я погряз в такой грязной жизни по самые уши, но даже не пытался выбраться. Зачем? Для кого? Ради сестренки? Она еще маленькая, а, когда вырастет, все уже тысячу раз изменится.

– Может уединимся где-нибудь? – предлагает мне Полина, проводя длинным ноготком по моей груди, торсу и прямо к брюкам.

– Тебя устроит секс в подвале, рядом с грудой мусора и крысами? – ухмыльнулся я, играя бровями.

– Ох, Вадим, мне плевать где, как! Если хочешь, то можешь взять меня прямо здесь, на глазах у всей банды и Ромы...

Видите? А ведь на людях это самый огромный пример для подражания. Узнай о ней то, что знаю я, люди бы просто не поверили. Это же два абсолютно разных человека. Но факт остается фактом.

Полина, которую знаю я, – это конченная наркоманка, дающая всем подряд и так еще сучка. А Полина, которую знают ее родители и друзья, – скромная отличница в школе, которая приносит медали не только за свои мозги, но и спортив-

ные достижения.

Я начал покрывать ее шею и грудь поцелуями, но Полина остановила меня.

– Я еще слишком трезвая, чтобы быть хорошей!

Пошлая ухмылка появилась на моем лице, когда я увидел, как Поля опустошает рюмку за рюмкой алкоголя.

– А вот теперь я, пожалуй, готова!

Она села ко мне на колени, и мы продолжили начатое, постепенно перейдя в тот подвал, о котором я совсем недавно говорил ей.

IV. Незванный гость

Мама убежала на свою новую работу с самого утра – я слышала, как хлопнула входная дверь. Но вставать, пока что, не собиралась.

В кровати я лежала долго. Час, а может быть и два, наверное. Пялилась в потолок и думала о том, что произошло со мной ночью. И этот поцелуй... Я только сейчас поняла, что этот парень поцеловал меня. Стоит ли говорить, что это был мой первый поцелуй или все и так ясно? Только не понятно зачем он это сделал...

Нехотя встаю с кровати и бросаю взгляд на свою отражение в зеркале. Хуже ничего быть не может того, что я увидела. Вроде и девочки, а избили так, будто я с парнями дралась. Это просто что-то с чем-то. Одним словом: ужас!

Вчера, после того как я пришла домой, я даже не обратила внимания на то, что все мое лицо было в ссадинах, царапинах и даже с фингалом под глазом. Но сегодня плюсом ко всему стал отек. Все мое лицо опухло и стало будто больше в размерах.

Робко приподнимаю майку своей пижамы, оголяя живот. В некоторых местах багровые пятна и синяки. На ногах тоже большое количество синяков.

Вот что значит, погуляла Алиса вечером. Думаю теперь я до самых школьных будней буду дома сидеть и на люди не по-

казываться. Даже сомневаюсь что тональный крем и большое количество макияжа здесь мне хоть чем-то помогут.

А ведь даже мама не видела в каком состоянии находится мое тело, потому что вчера вечером я быстренько проскочила к себе в комнату, а сегодня она с утра убежала на работу. В общем, разборки с мамой мне еще предстоят и это самое ужасное, что может быть.

Дело в том, что моя мама не просто по ахает, по охает, а начнет разбираться. Когда она увидит мое лицо, то сразу начнет выпытывать время, когда меня избивали, людей, которых успела увидеть или смогла вскользь услышать их имена, заставит идти снимать побои, и обязательно она пойдет и заставит меня написать заявление в полицию. Ясное дело, что она заботится обо мне, но это слишком. Так было в начальных классах, в средней школе, и в старшей школе, увы, это продолжается. Ах да, плюсом ко всему вышеперечисленному добавится домашний арест и никаких прогулок по ночам!

С глубоким вздохом иду в ванную, умываюсь и возвращаюсь обратно в комнату. Беру в руки косметичку и пытаюсь хоть как-то скрыть следы побоев. Но не успеваю я даже открыть тюбик с тональным кремом, как меня прерывает звонок в дверь.

Меня это жутко напугало, ведь мама на работе и вернуться до вечера точно не должна, а больше в этом городе к нам домой никто прийти не мог.

– Спокойствие, – говорю сама себе, убирая тональник обратно в косметичку. – Может это просто соседям соль понадобилась.

Убедив в этом саму себя, я вышла из комнаты, пересекла зал и остановилась перед дверью. Снова по квартире прозвонел звонок, отчего я поспешно посмотрела в глазок и увидела... пустой коридор!

– Малышня балуется! Вот я им покажу, когда поймаю! – бормочу себе под нос и отрываю дверь, делая шаг из квартиры в подъезд.

– О, куколка! – услышала я знакомый голос где-то слева. – Наконец-то я тебя нашел!

Мгновенно поворачиваю голову на голос и вижу вчерашнего парня, который вчера спас меня от местных хулиганов. Кажется, его зовут Вадим? Точно, Вадим Зимин!

– Как ты узнал где я живу? – спросила я, прекрасно помня, что не называла ему своего адреса.

Парень стоит, облокотившись о стену подъезда, и по нему видно, что он явно не в здравом уме.

– Я и не узнавал, а просто надеялся на везение. Зашел в первый подъезд и звонил во все двери, пока все-таки не нашел тебя!

– А зачем ты меня искал? – насторожилась я.

– Не знаю... Просто захотел! – сказал он, отрываясь от стены и выпрямляясь. Только как-то не особо у него выходит стоять прямо, потому что его то и дело бросало в раз-

ные стороны.

Я не смогла смотреть на его попытки ровно стоять на ногах, поэтому вздохнула, обвила его талию руками и помогла зайти в квартиру, захлопывая за нами дверь.

Он скинул обувь с ног и, опираясь на меня, дошел до дивана, на который вскоре тяжело опустился.

– Ты пьян? – задала я, интересующий меня вопрос.

– Пьян! – кивнул он, подтверждая мои слова.

– Но зачем ты пил?

– Не знаю. Мне просто захотелось расслабиться.

Вздохнув, я плюхнулась рядом с ним, просто не зная что сказать. Он так неожиданно появился в моей жизни, сказал, что не может быть мне другом, поцеловал, убежал, а сейчас пьяный приперся ко мне в квартиру. Это можно считать нормальным? Думаю, нет. Хотя черт знает как принято в этом городе.

Почувствовав на себе его пристальный взгляд, я повернула голову и встретила с карими глазами, который так внимательно меня изучали.

– Хорошенько же эти придурки тебя потрепали... – заметил он, протянув руку и коснувшись ссадину на моей скуле. Больно. Но я молча терпела, как и всегда. – Проучить бы их хорошенько!

– Нет, не надо! – я перехватила его ладонь, смотря прямо в глаза. – Ты этим ничего не изменишь! Только хуже все сделаешь и сам ещё больше пострадаешь...

– Ты думаешь, я боюсь пострадать? Я редко делаю хорошие дела, но эти недоумки просто...

Он замолчал и отвёл взгляд в сторону, рассматривая откуда-то взявшиеся фотографии на стене. Видимо, мама успела все развешать, когда я ушла вчера гулять.

– Это ты на фотографии? – спросил он, переводя тему. Вадим кивнул в сторону моего выпускного в девятом классе, где я стояла с фиолетовым аттестатом и в красном платье в пол. В тот день мама плакала и постоянно причитала, что отец был бы очень горд мною.

– Просто что? – спросила я, возвращаясь к прежней теме и не отвечая на заданный мне вопрос.

– Что? – не понял он, а меня это уже начало раздражать. Не люблю пьяных людей.

– Ты говорил, что эти недоумки просто... Просто что?

– Они не имеют права касаться тебя. Не имеют права оставлять хоть какие-то свои метки на твоём теле! – шепотом сказал он и освободил свою руку из моей, снова касаясь той ссадины на моем лице. А я и не заметила, что продолжала держать его за руку.

– Мне больно... – так же шепотом сказала я, не в силах отвести свой взгляд от его лица.

– Прости.

Он отдернул руку и откинулся на спинку дивана. Будто очнувшись, я тоже отвернулась от него и уставилась на одну из фотографий, где была с отцом.

В этот день мы ходили в парк аттракционов, где катались на всяких каруселях и ели сладкую вату. Мама сфотографировала нас в тот момент, когда мы с папой делали друг другу усы и бороды.

Встав с дивана, я подошла к этой фотографии и сняла ее со стены, кончиками пальцев касаясь изображения отца. В носу защипало, и я почувствовала, как глаза стали гореть. Да, я терпела боль, когда меня избивали и не проронила и слезинки, а стоило только подумать о чем-то грустном и слезы появились на глазах.

Услышала сзади шорох, а после почувствовала большие ладони на своей талии.

– Твой отец? – спросил он, и я кивнула, не в силах выдать хоть слово. – Что с ним? – Я молчала, поэтому он догадался сам.

Почувствовала, как сильные руки крепче обнимают меня.

– Не плачь, – успокаивающе шепнул парень, но слезы лишь фонтаном брызнули из глаз. Так всегда, хочешь успокоить человека, но он начинает лишь жалеть себя и плачет только сильнее, чем до этого. – Сильные девочки не плачут...

Я резко повернулась, из-за чего уткнулась к нему в шею, но быстро отстранилась и, посмотрев в глаза, кивнула. Он прав. Сильные девочки не плачут. Я сильная. И я со всем справлюсь. Пусть одна, но справлюсь.

– Вот и умница! – Вадим улыбнулся, и я улыбнулась ему

в ответ слабой улыбкой.

Вывернувшись из-под его горячих рук, я еще раз едва коснулась изображения отца и повешала фотографию на ее место.

– Знаешь, – вдруг сказал Вадим, задумчиво разглядывая все те фотографии, которые постаралась развесить моя мама. – Я тоже живу в неполноценной семье. Мать ушла от нас, бросив на попечение отца...

– Нас? – переспросила я, почему-то зацепившись за это слово.

– У меня есть младшая сестра. Ей шесть и она в этом году пойдет только в свой первый класс, у нас в школе.

– Видимо, ваша мама просто была не готова к семейной жизни, – предположила я, видя, с каким отвращением он говорит о ней.

– Мне уже плевать, если честно! – он улыбнулся мне так широко, и я поняла, что он лжет. Ему не плевать. Но я решила не заострять на этом внимание. – Кстати, а в какой школе ты будешь учиться и в какой класс идешь?

– По тебе и не скажешь, что ты пьян! – фыркнула я, обратив внимание на данный факт. Ведь это правда выглядит удивительным. От него не пахнет алкоголем, да и он не ведет себя, как пьяный человек. Отвечает здраво, и на ногах уже держится очень хорошо. Странно это.

– Я быстро отхожу от алкоголя. Так ты ответишь на мой вопрос?

– Я не знаю пока что в какой школе буду учиться, но пойду в одиннадцатый.

– Надеюсь, что мы будем не в одной школе... – пробормотал парень, но я решила сделать вид, что не услышала, хотя на самом деле было даже немного обидно.

– Знаешь, я, наверное, схожу, переоденусь, приведу себя в порядок, и приду к тебе. Можешь пока что по хозяйничать на кухне, если голоден.

Не дожидаясь его ответа, я быстро ретировалась к себе в комнату, захлопнув дверь и облокотившись о нее спиной. Этот парень сбивает меня с толку. Зачем он сегодня пришел ко мне в квартиру, зачем искал меня? Мне никогда раньше не нравились мальчики, но сейчас что-то приятное появляется внутри, когда он рядом со мной...

Тряхнула головой, пытаясь выбросить все мысли из головы, и подошла к зеркалу. Взяла в руки расческу, расчесалась и заплела обычные две косички. После этого переоделась в более приличную одежду, которая состояла из бордовых шорт и черной майки, а потом уже занялась своим лицом.

Как я и предполагала, скрыть все эти ссадины было трудно, но хорошенько постаравшись, я все же смогла хоть немного замазать это все.

– Эй, ты там еще ничего мне не поджег? – смеясь, крикнула я, выходя из спальни.

Но мне никто не ответил. В квартире было тихо и слов-

но... пусто.

Кухня была и правда пуста. Вадим ушел. Просто тихо слинял из моей квартиры, даже не попрощавшись.

На дверце холодильника я увидела прикрепленный магнитиком листок.

«Алиса, мы не друзья. Просто не можем ими быть. Ты многого обо мне не знаешь, и я надеюсь, что никогда не узнаешь. Забудь меня. Выброси из своей головы. Мы не друзья!»

Глаза опять стали дико гореть и защипало в носу.

Сильные девочки не плачут...

Я крепко зажмурилась, досчитала до десяти и просто решила не думать об этом Зимине.

Скомкала в руке чертову записку и выбросила ее в мусорное ведро.

Услышав протяжное мяуканье своего кота где-то внизу, я с любопытством глянула на него, потом на часы, которые показывали два часа дня, и вспомнила, что еще не кормила бедного Ваську.

Сама-то я могу в любое время взять и приготовить себе что-нибудь, но это животное же не сможет взять сковородку, достать из холодильника яйца и, орудуя лопаткой, готовить себе завтрак в виде яичницы.

Представив такую картину, я хихикнула и достала коту его вискас. Ничего другого он есть не хотел, поэтому мы постоянно покупали только эту еду. И именно из-за вискаса, он стал безумно толстым.

Покормив кота, я, так ничего и не поев, пошла к себе в комнату и взяла в руки скрипку. Отчетливо помню, будто это было вчера, как семь лет назад я в каком-то переходе увидела бомжа, играющего на этом прекрасном инструменте. Играл он очень умело, будто занимался этим много-много лет, но мелодия, которую издавал сей прекрасный предмет, просто заманила меня в свой плен, в котором я живу и до сих пор.

Мужчине я тогда вытряхнула все деньги, которые давали мне родители на обед в школу. Я считала, что он их заслужил, поэтому не жалела ни одной копейки.

В этот же день я прибежала домой и рассказала обо всем папе. Я просто трещала о том, какие прекрасные звуки издает скрипка, как хорошо играет на ней бродяга в переходе, а папа вдруг предложил мне самой попробовать себя в музыке. Даже не переговорив с мамой, он отвел меня в музыкальную школу на следующий день, и, когда после одного занятия учительница сказала, что у меня есть нужные качества для изучения скрипки, папа купил мне этот инструмент.

Я бросила танцы и полностью отдалась игре на скрипке. Когда маме позвонили из моей танцевальной школы и сказали, что ее дочь пропускает занятия, мама была в бешенстве. Она была против моей игры на скрипке и отела, чтобы я занималась танцами. Помню, что родители сильно поругались из-за этого тогда, но отец настоял, чтобы я ни за что не бросала скрипку и играла.

С тех пор скрипка стала неотъемлемой частью меня, и я ни разу не пожалела о том, что стала играть на ней.

Сегодня же я опять играла на скрипке. Я играла любимую папину мелодию и вспоминала, как папа хвалил меня. Из всех сил сдерживала слезы от воспоминаний, но вновь и вновь играла эту мелодию.

Прошел час, два, три, может даже больше, но за окном уже немного стемнело, что сообщило мне о скорой ночи.

Решив, что сегодня я ничего уже не успею приготовить, я заказала по интернету доставку пиццы. И слишком поздно спохватилась о том, что сегодня мне нужно было к матери в офис, на какую-то встречу.

Только вот идти уже туда точно нет смысла, поэтому я продолжила игру на скрипке, дожидаясь маму.

Время опять пролетело слишком незаметно для меня и оторвал меня от скрипки короткий стук в дверь.

Мамина голова мгновенно показалась из-за двери, а после появилась она вся, держа в руках коробку пиццы.

– Бедный парень, сколько бы он ещё ждал, когда ты открыла бы ему дверь и забрала доставленную пиццу, если бы не появилась я? – улыбнулась она, кладя коробку на мой рабочий стол, а сама присела рядом на кровати.

Мне захотелось биться головой о стену от того, какая же я безответственная.

– Опять играешь? – грустно спросила мама, проводя ладонью по инструменту. – Он любил, когда ты играла...

– Знаю.

Мама вздохнула и вышла из комнаты, оставляя меня один на один с мыслями. Но я больше не могу находиться одна, поэтому взяла пиццу и выскочила из комнаты к матери. Остаток вечера мы провели за просмотром какого-то фильма и поеданием Пепперони.

Спать я легла опять поздно, но, как назло, в голове опять появился Вадим. Мне безумно хочется подружиться с ним, несмотря на его желание, чтобы я выбросила его из головы. Я хочу стать его другом, хочу, чтобы он доверял мне. Хочу знать о нем все. Но, возможно, я больше его и не увижу.

Город огромен, а вероятность встретиться с ним ничтожно мала. Я же ничего не знаю о нем, кроме того, что его зовут Вадим Зимин, его бросила мать и у него есть младшая сестра, которой шесть лет и которая в этом году пойдет в первый класс.

Сон сморил меня где-то под утро, а до этого я так и лежала, смотря в потолок и размышляя об этом странном парне, который так внезапно появился в моей жизни.

V. Первое сентября

Угадайте, какой самый нелюбимый день в году для учеников? Да, никто не хочет, чтобы лето заканчивалось и чтобы наступало первое сентября – начало учебного года. Пусть я и училась всегда хорошо, точнее говоря на отлично, была примерной ученицей, но мне тоже не особо хотелось вставать с утра пораньше, чтобы переться в школу.

Все оставшееся время до начала учебного года, я сидела дома, боясь выходить на улицу. Моим внешним видом только и пугать детей, ну.

В тот вечер, когда мы с мамой сидели, смотрели фильм и ели пиццу, она не рассмотрела в полутьме моего лица, а, следовательно, и всех побоев. Но на следующий день она вернулась с работы рано, поэтому, когда увидела, что же творится с моим лицом, закатила мне скандал. Она пыталась узнать, кто со мной это сделал, но я говорила, что не рассмотрела хулиганов в темноте. В конечном итоге она решила наказать меня, как это обычно и происходило, но я вдруг психанула, накричала на нее, и мы поругались.

Мама сильно обиделась на меня, потому что раньше я никогда не повышала на нее голос. Собственно как и врать. Раньше я никогда не врала родителям и все рассказывала. Я могла что-то не договорить, но если меня спрашивали, то я честно отвечала. Как бы сильно я не обидела маму, мириться

первой я не собиралась. Впервые я считала, что права, поэтому проявила твердость и тоже не разговаривала с ней. Я люблю маму, но мне же не десять лет, и мне надо уже больше свободы.

В ночь с тридцать первого августа по первое сентября я спала плохо, отчего проснулась с синяками под глазами. Отличное дополнение к еще не сошедшим ссадинам, но как всегда моим другом станет толстый слой тонального крема.

Когда я проснулась, мамы дома уже не было. Она уходит рано, а мне только к одиннадцати утра на линейку. Часы показывали восьмой час, что говорило мне о том, что времени на сборы у меня еще вагон и маленькая тележка.

Первым делом я позавтракала хлопьями с молоком и выпила зеленый чай. Дело в том, что я совсем терпеть не могу кофе или какие-либо другие виды чая. Только зеленый чай. Можно с мятой или лимоном. Но обычно просто зеленый чай доставляет мне больше удовольствия.

Следующим пунктом в моем списке дел на день было покормить моего прожорливого кота Василия. Этот отъетый комок шерсти был жутко ленивым, и я даже не понимаю, зачем он нам. Так, интерьер для мебели?

Ну, а дальше я уже взялась за себя. Больше всего времени заняло мое лицо, потому что идти с какими-либо ссадинами на лице мне не хотелось. Первый слой был простой крем, потом тональник, сверху пудра, а там дальше уже по стандарту. В общем, когда я закончила, часы учтиво подсказали мне,

что если я не выйду через пять минут, то опоздаю на линейку.

Достав из шкафа подготовленную заранее школьную форму, я надела черную юбку карандаш, белую блузку, слегка просвечивающую мой белый бюстгальтер и черные балетки. Сразу взяла с собой сумку с тетрадями. Мама очень «услужливо» сказал мне, что там учатся с самого первого дня, поэтому тетради с собой взять надо точно, а на счет расписания можно узнать у классной руководительницы.

Вышла из дома и пошла в свою, так называемую, новую школу. Погода оказалась какой-то пасмурной, поэтому я пожалела, что не взяла с собой зонта, но путь до школы был не особо длинным, минут пять, отчего я надеялась, что, если что, успею добежать до дома.

Торжественная музыка была слышна даже на расстоянии, приблизительно, ста метров. В предыдущей моей школе все было намного скромнее, чем здесь. Не зря же мама говорила, что это престижная школа.

Миновав большие белые ворота, я вошла на территорию школы и просто чуть ли рот не отрыла от восхищения. В старой школе у нас была просто небольшая поляна, где парни гоняли мяч иногда, старые ржавые турники и лес, вокруг которого мы обычно бегали кросс на уроках физкультуры. Здесь же было по-другому.

Дорожка для бега была покрыта резиновым покрытием и располагалась вокруг отдельной территории с искусствен-

ным газоном, где мальчики могли играть в футбол. За дорожкой для бега была площадка для игры в баскетбол, имелись тротуары, по которым передвигались ученики, турники, где даже сейчас висели парни со старших классов, трибуны, где сидели девочки, наблюдавшие за парнями.

Сама школа... Это тоже было нечто. Красивое белое здание, удивляющее своей высотой и длинной. Она смотрелась величественно, и я просто не представляю, как мама умудрилась впихнуть меня в такую школу. Если на один только ремонт отваливают столько денег, то, наверное, и обучают здесь тоже очень хорошо.

Подхожу к столпотворению учеников и, с трудом, мне удастся отыскать табличку с подписью «11 в». Там уже стояло несколько человек, но встать я решила немного в стороне, не переставая озираться по сторонам.

Прозвенел звонок, и ученики поспешили строиться в аккуратный полукруг вокруг крыльца школы. Галдеж прекратился, что мне удивило. В других моих школах тоже строились в линейку или полукруг, но галдеж никогда не прекращался. Ученики как разговаривали между собой, так и продолжали, совсем не уважая стоящих перед ними учителей, директора, завуча и остальных работающих в школе.

Началась торжественная часть, когда учителя поздравляют учеников с началом нового учебного года, желая успешно учиться в этом году и сдать экзамены тем, кому это предстоит.

– Нашли, с чем поздравить! – хмыкнула стоящая передо мной девушка. Я могла увидеть только ее осветленные волосы и хрупкую фигурку, так как, вероятно, моя будущая одноклассница стояла ко мне спиной.

Почему-то мне показалось, что она довольно хорошая, но я не спешу делать поспешных выводов. В том году я пыталась подружиться с первой попавшейся девчонкой, а потом натерпелась от нее гадостей. Лучше немного подождать, узнать побольше, а там уже как пойдет.

Так всегда. Ждут, ждут, а потом поздно.

Но линейка закончилась, и ученики поспешили в свои классы. Я же просто старалась следовать за той девушкой, чтобы не потеряться. Но она резко обернулась ко мне, устремив на меня бледно-голубые глаза.

– Зачем ты идешь за мной? – строго спросила она, уперев руки в бока.

– Ты учишься в 10В? – ответила я вопросом на вопрос.

– Ну да, и что с того?

– Я новенькая, поэтому не знаю эту школу. На линейке увидела тебя рядом с классом и решила следовать за тобой в кабинет.

– Так воот в чем дело! – протянула голубоглазая. – Ты уже вторая новенькая, но я не заметила тебя на линейке. Как тебя зовут?

– Я стояла позади, поэтому ты и не обратила на меня внимания. Алиса Вольф.

– У тебя тоже немецкая фамилия! – радостно улыбнулась одноклассница. – Я Вера Герц!

Она схватила меня за руку и потащила по коридору. Со всем скоро мы оказались около какого-то кабинета и поспешно зашли в него.

– Извините за опоздание, Алла Михайловна! – извинилась Вера, ожидая разрешения войти.

– Заходите, девочки! – по-доброму улыбнулась преподаватель.

У доски стояла какая-то девочка, что-то рассказывающая о себе. Видимо еще одна новенькая.

Я села за одну парту с новой знакомой и уставилась прямо перед собой. Не знаю, сколько я так сидела, но потом почувствовала ощутимый толчок в бок.

– Тебя Алла Михайловна зовет! – шепнула мне соседка по парте.

Я перевела взгляд на преподавателя и заметила, что она правда смотрит на меня.

– Выйди к доске, пожалуйста, и расскажи о себе, Алиса! – терпеливо повторила просьбу она, заметив мое замешательство.

Я встала из-за парты и вышла доске. Я понятия не имела что можно рассказать о себе, но мне и не пришлось. Дверь в класс резко распахнулась, и в нее ввалился уже знакомый мне персонаж.

Вадим уверенно зашел в класс, сел за самую дальнюю пар-

ту к незнакомой мне девушке с розовыми волосами, а следом за ним зашли еще два качка, севшие недалеко от парня.

– Зимин! Что ты себе позволяешь?! – возмущенно воскликнула учительница. – Выйди из класса и иди в свой кабинет. Вас, Анохин и Абрамов, это тоже касается!

– Анечка, вы забываетесь, – нагло сказал Вадим, откинувшись на стул и обняв одной рукой ту девушку. Он обвел взглядом класс, тут же заметив меня, стоящую у доски. И я заметила, как он напрягся, но после он оскалился: – Ребят, познакомьтесь, а это моя брошенная игрушка. Скажу сразу – идеальна!

Я мгновенно вспыхнула, поняв, о чем он говорит. Он солгал. Опозорил меня в первый же день. Он сказал так, будто мы с ним... спали!

Весь класс взорвался смехом. Я посмотрела на Веру и заметила ее осуждающий взгляд. Она верит ему. Они все верят ему.

Резко сорвавшись с места, я вылетела из класса. А ведь я еще хотела, чтобы он был моим другом! Я такая наивная, такая глупая... Нельзя верить людям, даже если они один раз сделали добро для тебя. Потом ты обязательно будешь плакать.

По не знанию школы, я просто петляла по коридорам, пока не наткнулась на лестницу. Дальше я уже тупо шла вверх, пока не оказалась, видимо, на чердаке. Здесь оказалось безумно много голубей, которые при виде меня стали

стаей вылетать через небольшое отверстие.

Когда здесь больше не осталось ни одного голубя, я подошла к отверстию, оказавшимся окном без стекла, и облоко-тилась на раму, смотря на пасмурное небо.

Мои мысли то и дело возвращались к Зимину, который так отвратительно обошелся со мной. Пусть я и не плачу из-за этого, но мне, правда, безумно обидно. И ведь я думала, что он хороший человек, а он говорил правду, когда сказал не приближаться к нему из-за того, что он плохой.

Он украл у меня первый поцелуй, но он не отнимал мою девственность. Если надо будет, то я схожу к гинекологу и докажу всему классу, что у нас с ним ничего не было. Только вот я не должна никому ничего доказывать... Боже, и неужели они все доверяют такому, как он?

Мир несправедлив. Хороших людей всегда поливают грязью, а плохих возвышают до небес.

Я спустилась с чердака только тогда, когда услышала звонок с урока. Я не собираюсь пропускать занятия только из-за того, что какой-то недоумок решил полить меня грязью. Но Вера... Она показалась мне хорошей, поэтому я должна ей доказать, что между нами ничего такого не было, и должна рассказать, что же было на самом деле.

Не знаю, сколько бы я скиталась по коридорам, ища кабинет, где у меня должен был проводиться урок истории, если бы мне не попался мужчина, оказавшийся директором.

– Простите, а где здесь кабинет истории? – спросила робко

я, обратившись к седовласому мужчине с добрыми глазами.

– Пойдем, я провожу тебя! – он улыбнулся мне и первым направился в неизвестном мне направлении.

Я пошла следом за ним и прозвенел второй звонок, оповещающий о начале урока. Коридор опустел довольно быстро, а мы с директором тем временем спустились на этаж ниже и он остановился перед дверью, где мелкими буквами было написано «История». Я поблагодарила его и хотела зайти в кабинет, но он первым постучался и открыл дверь, пропуская меня вперед, после чего зашел следом.

Все внимание сразу было обращено к нам, что довольно таки смутило меня.

– Извините за опоздание, Ирина Васильевна, это я задержал ученицу в коридоре! – сказал директор, обращаясь к учительнице по истории.

– Ничего страшного, Илья Иванович. Присаживайся... Эм...

– Алиса! – подсказала я, направляясь к парте, где сидела Герц.

– Точно. Вольф! – по-видимому, отыскала она новую фамилию в журнале.

– Здесь занято! – фыркнула Вера, кинув сумку на свободный соседний стул. Весь ее вид показывал отвращение ко мне.

– Пожалуйста! – взмолилась я. – Я все объясню тебе!

Девушка вздохнула и убрала сумку, а я смогла спокойно

сесть на соседний стул.

– Я вся во внимании!

– На перемене, хорошо? – спросила я у нее, и она, нехотя, кивнула.

Урок прошел относительно скучно, учительница задала на дом кучу домашней и со звонком все слиняли из класса.

Мы с Верой дошли до следующего кабинета, где у нас должен был быть урок физики, но его отменили, поэтому мы вышли во двор, сели на трибуны, и я рассказала ей о том, что все-таки было между мной и Зиминим.

– Боже, какой же он урод! – воскликнула громко девушка, удивленная его рассказами. – Он тупо представил тебя перед всем классом как шлюху. Я не понимаю, зачем?!

– Я тоже хотела бы знать! – вздохнула я, смотря на парней, которые играли в «лестницу». Суть этой игры была в том, что парни подтягиваются по очереди столько раз, какой по счету он идет. Со вторым кругом число продолжает расти. Там был и Зимин, который в данный момент должен был подтянуться двадцать раз.

Парень стянул с себя белую рубашку, оставшись наполовину обнаженным, а я поспешила отвернуться, чувствуя, что покраснела.

– Следующий урок физкультура. Пойдем переодеваться? – позвала меня девушка, поднимаясь с сидения.

– Физ-ра на улице?

– Ну да. А что?

– Я слишком легкую одежду взяла для урока.

– Ну и ладно! – фыркнула Вера и указала мне на небо. – Смотри. Тучи рассеиваются и солнце выглядывает. Сейчас тепло станет.

Я кивнула, и мы с ней пошли в школьную раздевалку. Я вытащила из сумки пакет со спортивной формой и облачилась в одежду. Вообще-то особо спортивной формой это не считается, но Вера стояла почти в такой же одежде, что и я. Коротки джинсовые шорты, белая майка и фиолетовые кеды, а Герц была в бордовых коротких шортах, черной майке и черные кроссовки.

Заметив, что у нас схожая одежда, мы улыбнулись друг другу и как раз прозвенел звонок на перемену. Мы вышли из раздевалки и вернулись на ранее покинутые трибуны.

– Знаешь, а приходи сегодня ко мне на вечеринку! – предложила мне девушка, собирая свои осветленные волосы в высокий хвост.

– Я никогда раньше не была на вечеринках, – смутилась я. – У меня вообще никогда раньше не было друзей... – добавила тихо.

– В смысле?! – удивилась девушка. – А парни? У тебя были парни?

Я отрицательно покачала головой, пряча лицо в волосах. Вера была вообще первым человеком, который сейчас дружелюбно обращается со мной и зовет на вечеринку.

– КАК? КАК МОЖНО НЕ ВЛЮБИТЬСЯ В ТАКУЮ ФИ-

ГУРУ И ТАКИЕ НОЖКИ?! – громко воскликнула Вера, невольно привлекая к нам внимание парней и девчонок, которые разминались на стадионе. Она вскочила на ноги и удивленно смотрела на меня.

– Тише ты! – шикнула я, хватая ее за руку и усаживая обратно.

– Ты просто обязана прийти сегодня ко мне на вечеринку!

– Боюсь, что мама меня не отпустит... – совсем тихо сказала я, вообще боясь смотреть на нее. Она такая энергичная, веселая... Она живая, а я слишком скромная.

– Боже, какая мама? Тебе сколько лет, блин? Уговорим!

Я только открыла рот, чтобы отказаться, но к нам подошла та девушка с розовыми волосами, которую обнимал Зимин на классном часе. Позади нее были еще две симпатичные девушки, отчего я сразу сделала вывод, что это здешняя стерва. Кто бы сомневался. В каждой школе мне приходилось на такую наткаться. Возомнила себя элитой, хотя таковой и не считается.

– Эй, игрушка Зимина! – обратилась она ко мне, сжимая в руке баскетбольный мяч. Я хотела возмутиться, что я никакая не игрушка Зимина, но она не дала мне и рта открыть. – Хорошо играешь в баскетбол? Жду тебя на площадке, когда начнется урок!

Она величественно ушла на площадку, где тут же забросила мяч в корзину со штрафного.

– Я надеюсь, что ты хорошо играешь в баскетбол, – сказа-

ла Вера, наблюдая за действиями на площадке.

– Я отвратительно играю в баскетбол... – обрадовала я подругу.

– Тогда будет мясо. Лиза тебя прихлопнет за Зимина этим мячом, как муху.

– Но мне не нужен Зимин! – воскликнула я.

– Ее это не колышет...

– Так, класс, на построение! – раздался мужском голос где-то внизу, и я перевела туда взгляд. Там стоял совсем еще молодой парень в спортивной форме.

Нехотя, мы с Верой встали в строй, а физрук начал говорить:

– Теперь я ваш новый учитель физкультуры, зовут меня Артем Львович. Я пока что еще не знаком с вашим классом и не знаком с тем, что и как вы проходите, поэтому сегодня предлагаю сегодня классу разделиться на группы и играть в разные спортивные игры...

– Артем Львович, а что если кто-то не дружит со спортом? – выступила вперед Вера.

– Сегодня на трибуны, а перед следующим разом прошу как-нибудь научиться. Можно записаться на дополнительные занятия и будем учить вас.

«Теперь я знаю первые свои допы!» – подумала я, не очень-то и весело. Пусть учитель физкультуры и молодой, но по нему видно, что он строг к своему предмету и пятерки, с закрытыми глазами, ставить мне не будет.

– А сейчас несколько кругов вокруг стадиона и на разминку! – скомандовал учитель, и класс побежал.

Мы с Герц отделились от класса и сразу сели на трибуны.

– Блин, новый физрук такой красавчик! – промурлыкала девушка, покрываясь румянцем, а я просто засмеялась.

– Почему-то мне кажется, что так считаешь не одна ты! – фыркнула я, кивнув в сторону Лизы, которая что-то говорит новому учителю, откровенно кокетничая с ним.

Девушка издала что-то наподобие рыка, но ничего на это не сказала.

Класс закончил пробежку и разминку и все разбрелись на группы, как и просил учитель.

– Вольф!

Услышав свою фамилию, я увидела розоволосую, которая активно машет руками, подзывая меня к себе.

БАСКЕТБОЛ!

Не умею в него играть и не особо хотелось бы учиться, но выбора нет. Встаю с трибун и иду на баскетбольную площадку.

– Удачи! – шепнула мне Вера, и я улыбнулась ей.

– Будешь играть со мной в одной команде! – велела мне Лиза, и я послушно встала, куда она поставила меня.

Всю игру мне как-то удавалось увиливать от мяча, или передавать пас другим, но не всегда все идет хорошо.

– Вольф, лови! – слышу где-то сзади, разворачиваюсь, и мяч прилетает мне прямо в лицо.

Я упала, ударилась головой и в глазах потемнело. Тяжело поднимаю руку, – было такое ощущение, что я нахожусь под водой, – и касаюсь пульсирующего затылка, ощущая горячую вязкую жидкость на пальцах.

– Ты специально! – слышу крик Герц, но ничего не вижу.

– Надо реагировать быстрее! – фыркнула на это Лиза.

– Что здесь происходит? – узнаю по голосу Артема Львовича.

– Я ей пас передавала, а она его лицом приняла! – коротко объяснила стерва.

– Ты специально! – повторила Вера.

– А ну замолчали! – перебил их перепалку учитель, и я почувствовала, как меня поднимают на руки. – Я отнесу ее в медпункт, а вы можете продолжать игру.

VI. Условие

– Что здесь случилось? – когда мы были уже в коридоре школы, услышала я знакомый голос. Пусть перед глазами все плыло, но узнать обладателя голоса не составило труда.

– Играли в баскетбол, и мяч в лицо прилетел, – коротко ответил парню Артем Львович, продолжая нести меня по коридорам школы в медпункт. Я бы, может быть, и пошла сама, но голова так безумно болела, что я даже сказать ничего не могла.

– Там во дворе черте что творится, – сказал вдруг Вадим. – Давайте я ее отнесу в медпункт, а вы продолжите урок?

Я почувствовала, как учитель остановился, потом меня передали в другие руки, более горячие. А после послышался звук удаляющихся от нас шагов.

Когда я поняла, что на руках меня держит никто иной, как Зимин, мои глаза сами собой распахнулись, и прояснилось зрение. Какие же чудеса творит этот недоумок!

– Отпусти меня! – еле ворочая языком, но, тем не менее, твердо приказала я.

– Что, куколка, у тебя уже ничего не болит? Только появилась в этой школе, а уже флиртуешь с преподавателем физкультуры?

– Ты совсем идиот? – мне уже было плевать болит у меня голова или нет, лишь бы он отпустил меня и больше никогда

не прикасался.

Что я недавно говорила? Что хочу, чтобы он стал моим другом? Черта с два он будет моим другом. Кажется, подругу я уже нашла, а больше для счастья и не надо.

Зимин промолчал и пошел дальше по коридору.

– Отпусти меня! – требую я, медленно подняв руку и слабо толкнув его в плечо.

– Раздражаешь, Вольф! – фыркнул он, отпуская меня.

Стоять мне было тяжело, голова кружилось, но мы ещё с минуту сверлили друг друга свирепыми взглядами.

– Зачем ты такое сказал обо мне? – задала я, интересующий меня вопрос. – Просто опозорил перед классом?

– Зато теперь ты не сможешь опозорить меня, так как тебе никто не поверит, – Вадим пожал плечами и повернулся ко мне спиной, собираясь уйти, но вдруг замер, смотря куда-то вниз. – У тебя кровь...

– Что? – не поняла я, чувствуя, как слабеют ноги и мне все труднее стоять.

Он в мгновение оказался передо мной, дернул меня на себя и наклонил мою голову, смотря на затылок. Почувствовала прикосновение, а после дикую боль. Когда он отпустил меня, на его руке была кровь. Моя кровь.

– Тебе надо срочно в медпункт. Вдруг что-то серьезное.

Я покачала головой, отрицая его слова, но именно в этот момент ноги перестали держать меня.

Вадим подхватил мое тело и быстрым шагом направился

прямо по коридору. Я уже не сопротивлялась, потому что мне реально было плохо.

Резко свернув, Вадим постучал в какую-то дверь ногой, а после быстро занес меня.

– Что случилось? – опять слышу этот тупой вопрос, который задала здешняя медсестра. Уже третий раз его задают и это, правда надоедает.

– Неудачно играла в баскетбол, – хмыкнул Зимин, положив меня на кушетку. – Мячом прилетело в лицо, она упала и, видимо, ударилась головой.

Перед моим лицом появилась женщина уже в возрасте. Она внимательно осмотрела сначала мое лицо, а после – затылок. На ее и без того морщинистом лице, образовалась глубокая складка на лбу. Я сразу поняла, что она даже сквозь толстый слой косметики заметила синяк и царапины. Царапины, правда, и до этого можно было различить, но что-то мне подсказывало, что удар мячом добавил мне еще несколько «украшений».

– Что с тобой было? – спросила женщина.

– Вам же уже сказали, что неудачная игра в баскетбол! – ответил за меня Вадим, и я отчетливо услышала раздражение в его голосе.

– Нет. Что с тобой было до сегодняшнего дня?

От ее пристального взгляда мне стало неудобно, но я нашла в себе силы кое-как выдать о том, что мне просто надо меньше гулять по ночам. Хулиганы и все такое.

– Все у тебя «неудачно», – вдруг улыбнулась медсестра. – Вроде ничего смертельного у тебя нет, но возможно сотрясение мозга. Голова болит? Кружится?

– Болит затылок в том месте, где ударилась. Да, голова кружится.

– Тебе лучше поехать в больницу, сделать снимок, а там уже врачи точно определяют, что с тобой делать, – она показала головой, цокнула языком и взяла в руки телефон. – Я вызову скорую.

– Не стоит! – перебил ее Зимин, перехватывая ее руку. – Я сам отвезу Алису в больницу.

– Было бы очень мило с твоей стороны.

Мило? Если учесть того Вадима, которого я смогла лицезреть сегодня в школе, то мило и Вадим – совсем не совмещаемые вещи.

Я недоуменно посмотрела на «благодетеля», не понимая, зачем он вызвался меня отвезти. И на чем он собрался меня отвозить, если он еще не совершеннолетний, и у него просто не может быть водительских прав.

– Я, пожалуй, откажусь от твоей помощи, Зимин, – смотря куда-то в стену, проговорила я. – Пожалуйста, вызовите машину скорой помощи.

Парень вдруг наклонился ко мне и прошипел сквозь крепко сжатые зубы:

– Вольф! Ты совсем охренела? Нам поговорить надо, поэтому закрой свой ротик и, будь добра, согласись на мою по-

мощь!

Весь его вид заставлял меня дрожать от страха, потому что выглядел он очень угрожающе и говорил о том, что если я сейчас не соглашусь, то он все равно сделает по своему, а мне еще очень не поздоровится после этого.

– Хорошо. Пусть он отвезет меня до ближайшей больницы, – выдавила я слова из себя, хотя мне и не особо прельщала поездка с ним. А ведь еще совсем недавно – подумать только! – я хотела, чтобы этот парень был моим другом.

Я встала с кушетки, чувствуя, что голова все еще кружится. Как и предположила медсестра, скорее всего у меня сотрясение головного мозга и меня положат в больницу. Минимум дня на три, а это говорит о том, что сегодняшняя вечеринка Веры в честь первого сентября накрылась для меня медным тазом.

«Вот тебе и первый день в новой школе Алиса! – подумала я, выходя из медпункта под руку с Вадимом Зиминим. – Кто бы сомневался!»

Идя с ним по школьным коридорам, я чувствовала себя безумно неудобно. Я просто понятия не имела что за парень сейчас рядом со мной. Хороший он или все же тот еще урод? С одной стороны этот парень помог мне с хулиганами и поддерживал тогда, в квартире, когда я чуть было не заплакала из-за тоски по отцу.

«Сильные девочки не плачут...»

Но совсем с другой стороны он лицемерный старшеклас-

ник, возомнивший себя крутым парнем школы. Элитой. Он не хочет потерять своего статуса, поэтому готов идти на всякие гадости.

И самое обидное, что я понятия не имею какой же он настоящий. Человек может быть либо плохим, либо хорошим. Средины не дано. Либо ты убьешь человека и не моргнешь глазом, либо ты хочешь всех защищать и оберегать. Так какой же он?

Когда мы оказались на школьном дворе, мои новые одноклассники только закончили урок и собрались идти в школу и переодеваться. Я поспешно попыталась выпутать свою ладонь из руки Вадима, но он лишь крепче сжал ее, причиняя мне тем самым боль.

Мне не хотелось, чтобы он держал меня за руку при моих одноклассниках, даже если бы я прямо сейчас могла свалиться в обморок. Он еще совсем недавно сказал всем, что я его подстилка, а сейчас просто стоит со мной за ручку и собирается отвезти в больницу. О подстилках так не заботятся. Какие у него цели? Чего он добивается?

Я успела заметить злой и ревностный взгляд Лизы, видела, как шушукаются за ее спиной ее подпевалы, и готова была провалиться сквозь землю, когда весь класс, проходя мимо нас в здание школы, смотрели на наши сцепленные руки. Я чувствовала, как мои щеки начинают гореть, что свидетельствовало о том, что я покраснела.

– Все в порядке? – обратился к нам преподаватель физ-

культуры. Он шел вместе со всем классом в школу, но, заметив нас, отделился от стада учеников и подошел к нам. — Спасибо, Вадим, что согласился проводить ее до медпункта.

Я перевела взгляд от класса на Артема Львовича, заметив тревогу в его взгляде. Ну конечно, он же несет ответственность за учеников на своих уроках, и ему может хорошенько влететь за меня. Он же не усмотрел.

Рядом с ним тут же появилась Вера. Девушка тоже странно посмотрела на меня и Вадима, но решила промолчать. Самое главное, чтобы сейчас она не начала опять думать о той версии, которую растрепал Вадим.

— Ольга Ивановна считает, что у нее может быть сотрясение головного мозга, поэтому я согласился отвезти Алису в больницу, — коротко проинформировал кареглазый, улыбнувшись.

При свете солнца его рыжеватые волосы стали еще более рыжими, и я не могу сказать, что ему это не шло. Каким бы он не был, но он все еще оставался чертовски привлекательным.

Вера презрительно фыркнула на его слова, показывая тем самым свое неодобрение. Знала бы ты, как я не хочу ехать с ним в больницу!

— Как же ты повезешь Алису в больницу? Не на своем ли мотоцикле? Думаю, что в ее состоянии ей не стоит ехать в больницу на таком виде транспорта!

— Не вижу проблемы. Я могу вызвать водителя отца, и он

доставит твою драгоценную Алису в целости и сохранности!

В подтверждение своих слов он отпустил мою руку, достал мобильный телефон из кармана джинс и отошел в сторону, приложив мобильный к уху.

Одноклассница подошла ко мне и крепко обняла. У меня никогда раньше не было друзей, поэтому сначала я растерялась, но тоже обняла ее в ответ.

– Выглядишь не очень, – сказала она, отстранившись и окинув меня пристальным взглядом. – Скорее всего, тебя все-таки положат в больницу.

– Да, я тоже так думаю... – я грустно улыбнулась, опустив взгляд в землю. – Прости, я не смогу прийти к тебе на вечеринку.

– Ничего страшного. Когда тебя выпишут, устроим еще одну такую же, только в твою честь. А к тому времени все как раз забудут о бреднях Зимина, которые он наплел сегодня утром.

Я вполне могла бы быть растрогана ее заботой обо мне, но...

– Не надо вечеринку!

– Как это? – удивилась девушка.

– Вот так... – я пожала плечами и оглянулась на Вадима, который все еще разговаривал по телефону. Я не могла слышать разговора, потому что он находился на приличном расстоянии, но его недовольную физиономию различить было вполне возможно. – Я никогда раньше не ходила на подоб-

ные мероприятия и не вижу смысла начинать. Мне больше нравится проводить время со скрипкой.

– Ты играешь на скрипке?!

– Вольф, нам пора!

Вадим настолько неожиданно оказался рядом, что я вздрогнула от испуга. Он подошел ко мне и схватил за руку, резко дернув на себя, отчего моя бедная голова закружилась еще сильнее от встряски.

– Не так быстро! – попросила я, сбавляя шаг. До этого мы почти бежали со школьной территории. И чего это он бросился так бежать?

Он ничего на это не сказал, но все же немного сбавил темп.

Мы вышли со школьного двора через ворота, и я увидела черную машину с за тонированными окнами. Я не разбираюсь в марках, но выглядела она очень даже дорого.

«Что же ты за мажор такой, Вадим Зимин?» – подумала я, садясь в бежевый салон автомобиля.

Сам парень приземлился рядом со мной на задних сидениях. Он сказал водителю ехать до ближайшей больницы, а потом повернулся ко мне и, увы, его карие глаза горели отнюдь не дружелюбностью.

– Чего ты так смотришь на меня, как на врага народа? – спросила я, когда его взгляд начал уже тревожить меня.

– У меня есть для тебя условие.

Я заинтересовалась. Какие условия он может мне поста-

вить и что мне с этого может быть?

– Что за условие?

Вадим усмехнулся и откинулся на спинку сидения. Всем своим видом он выражал спокойствие и умиротворенность, но я своим чутким нутром чувствовала, что для него это важно.

– Видишь ли, Алиса Вольф, – начал он, когда мы коло нескольких минут ехали молча. – Мне важна моя репутация в школе, которую я смог заработать за эти годы. Учащиеся боятся меня, а учителя уважают, каким бы противным я не был.

Он замолчал, а меня так и подмывало спросить что дальше. О том, что он возомнил себя королем, я смогла понять и раньше, поэтому просто не видела смысла в его словах и при чем здесь условие.

– Если коротко говоря, я не хочу, чтобы кто-либо знал о том, что было. Я не хочу, чтобы меня считали защитником маленьких девочек, которым просто захотелось прогуляться перед сном поздней ночью. Вся школа знает меня не таким. А особенно никто не должен знать, что я звонил по квартирам, разыскивая тебя. Будет намного лучше, чтобы ты и сама обо всем этом забыла, но это уже мне точно никак не сделать.

– Ты хочешь, чтобы я молчала? – уточнила я.

– Именно, – он усмехнулся, показав белоснежные зубы.

– А тот поцелуй и то, как ты обнимал меня. Как мне это понимать?

Он громко рассмеялся, и его смех резанул мне по ушам. Я не знаю, что сказала смешного, но терпеливо подождала, когда он отсмеется и даст мне ответ.

– Ничего себе там не придумывай особо, малышка! – все еще улыбаясь, наконец, сказал он. – Ты ничего не значишь для меня, как и все остальные пустышки...

– Я пустышка? – вспылила я. вот этого я точно не ожидала. – Я ничего не похожа на пустышку!

– Не похожа, – согласился Вадим. – Но, тем не менее, ты ничего для меня не значишь.

– А что если я уже успела рассказать одному человеку обо всем случившемся? Без поцелуя и этих пьяных твоих объяснений.

– Дай угадаю? Герц! – я кивнула. – Если она не будет болтать и распускать обо мне слухи, где я герой и все такое, то будем считать, что она и не знает.

– Хорошо. Но в чем суть условия?

– Ты молчишь, а взамен находишься под моей защитой. Ни один человек тебя не сможет тронуть или обидеть. И не важно человек это из школы или обычный уличный хулиган. В любой момент ты можешь звонить мне.

– Разве не слишком благородно с твоей стороны? – фыркнула я, ища во всем этом подвох.

– Да, ты права. Поэтому еще кое-что...

Он опять замолчал, заставляя меня нервничать. Почему-то ко мне в голову полезли всякие непристойности, и я

хотела уже было отказаться от этого условия, но, прежде чем я успела открыть рот и издать хоть звук, Вадим опять начал говорить:

– Я слышал, что ты играешь на скрипке. Я не хочу, чтобы об этом знал кто-нибудь еще, кроме меня, Герц и твоей матери. Никто из школы.

– Вообще-то я собиралась идти в какой-нибудь музыкальный кружок, а чаще всего в таких кружках надо выступать...

– Любая музыкальная школа в твоём распоряжении. Если нужны будут деньги, то я готов даже платить за твое дополнительное изучение скрипки, но никто из школы не должен знать о твоём увлечении.

– А что в этом такого? – не понимаю я.

– Просто я так хочу. Ну, так что? Принимаешь мои условия?

И я согласилась. Машина остановилась как раз тогда, когда наш с Вадимом договор был закреплён рукопожатием.

VII. Визит

Когда мы приехали с Вадимом в больницу, мне сделали снимок головного мозга, что подтвердило поставленный мне диагноз школьной медсестры. Меня все-таки положили в больницу на несколько дней, поэтому мне пришлось звонить матери и рассказывать ей о инциденте в школе.

Она отпросилась с работы, съездила домой и привезла все нужные документы для оформления, вещи и книги для меня. Но про ноутбук она любезно забыла, хотя я ей несколько раз повторила про него и лежал он на самом видном месте в моей комнате.

Вадим уехал почти сразу, как только я вышла из машины. Он не таскался со мной по врачам, не приезжал после того, как меня положили, да и вообще зачем я ему. Но я часто вспоминала его, пока лежу в этой больнице.

Я здесь уже третий день, который должен был быть последним. Три дня скуки. Даже несмотря на то, что ко мне в обеденное время приезжала мама и после школы заходила Вера, мне здесь было до жути скучно.

Несколько раз в день мне приходилось выходить из палаты, чтобы спуститься в столовую и покушать не самую лучшую в мире еду, но вполне годную для поддержания жизненных сил, и также несколько раз в день мне ставили уколы. Все остальное время я зависала в телефоне или читала

книги.

В палате я лежала одна, поэтому собеседников у меня не оказалось и приходилась разбавлять тишину музыкой. Я просто втыкала наушники в уши и закрывала глаза, представляя как приеду домой и возьму в руки свою любимую скрипку.

Играть каждый день – моя привычка. Хоть одну композицию, но я должна была играть. Раньше я играла для отца, а сейчас, когда играю, представляю, что он меня слушает. И за эти несколько дней я истосковалась по игре.

От созерцания желтоватого потолка меня отвлек звонок мобильного телефона. От резко раздавшейся мелодии, я вздрогнула и потянулась к тумбочке, на которой лежал мой телефон.

– Да? – ответила я, принимая звонок подруги.

– Со скуки не померла там еще? – спросила она своим вечно веселым голосом. Сама того не понимая, я начала улыбаться.

– Нет, все еще в процессе, – фыркнула я, переводя взгляд с потолка на голубое небо за окном. – Гулять хочу, а то от этого постельного режима уже тошнит.

– Ну ничего, тебе совсем немного осталось!

Мне нравилась Вера. Мне нравилось, что у меня появилась подруга, к которой я если что могу обратиться. Она звонит мне, приходит, веселит меня, хотя я уверена, что у такой активной девушки полно дел и забот и без меня.

– Что там нового в школе? – спросила я, где-то в глубине надеясь, что услышу хоть что-нибудь о Зимине. Мне была противна мысль, что он может привлекать меня как парень, но, видимо, так оно и было.

– Тебе рассказывать все или только самое интересное? – спросила меня девушка. Я закатила глаза и попросила самое интересное. Герц не была сплетницей, но она всегда оказывалась в самой гуще событий. Как-то вот так получалось. – Сегодня к нам на урок по математике приперся Зимин и сел к своей подружке с розовыми волосами. Они оба наплевали на урок и о чем-то разговаривали, но почти под самый конец, перед звонком с урока, Зимин вдруг вскочил со стула и прокричал что-то вроде того, чтобы Лиза к какой-то бабе не приближалась...

– Так, стоп, Герц, я ни черта не поняла из твоего рассказа! – перебила я подругу, заметно занервничав. Неужели Вадим начал исполнять свою часть уговора? – Давай по порядку!

Звонок на урок сообщил ученикам, что им пора поспешить скрыться в кабинетах и утих. Коридоры мгновенно опустели, в кабинетах начались уроки, но нас сейчас интересует урок математики, на который пришел незванный гость.

По своему обычаю Вадим Зимин никогда не стучится

в дверь, прежде чем войти и приходит в любой класс, когда захочет. Сегодня его интересовал только 10в класс, поэтому он наплевал на свой урок истории и пришел в этот класс.

После пяти минут от урока, он по-хозяйски зашел в кабинет и уселся рядом с розоволосой девушкой, которая сидела на последних партах. Пожилой учитель, которому в этом году перевалит за пятьдесят пять, никогда не интересовался учениками. Его дело преподавать им информацию, кому надо ее поймет и выучит, а остальное проблемы самих учащихся. Вот и сейчас он не обратил внимания на наглость Зимина и продолжил что-то объяснять у доски про периодичность тригонометрических функций.

– Ты что здесь делаешь? – спросила девушка, повернувшись к парню. – Ты же говорил, что в этом году возьмешься за ум и будешь зубрить!

– Нам надо поговорить, – коротко сказал он, устремив взор карих глаз на доску. Для него это явно было очень важно, потому что, если присмотреться внимательней, он был напряжен.

– О чем? – спросила Лиза, настораживаясь.

– О нас.

Вадим сказал этот так холодно, что у нее мурашки пошли по телу. Она уже сейчас поняла, что между ними все конечно, но ей хотелось выслушать.

– У нас ничего больше не будет.

– То есть? Ты меня бросаешь?

– Да.

Он никогда не верил в любовь и многие девушки были для него просто развлечением. Может быть когда-нибудь и появится та самая, но пока что он просто пользуется своими игрушками. И она была одной из этих игрушек.

– Можно ли мне узнать причину? – розоволосая не любила его, но ведь всегда остается в душе какой-то осадок, когда тебя бросают. – Это из-за новенькой? Я видела каким взглядом ты смотришь на нее.

– Я смотрю на нее таким же взглядом как и на всех остальных. Но да, относительно из-за нее я сейчас бросаю тебя.

– Почему?

Он задумался и посмотрел в окно. Эта новенькая не пробуждает в нем больше никаких чувств, которые ему довелось почувствовать в первые дни знакомства с ней. Но он чувствовал ответственность за ее безопасность, поэтому решил придумать этот уговор. Ему плевать узнают ли в школе о том, что он помогал этой новенькой или нет, но если бы он предложил помощь просто так, ничего не прося в замен, она бы отказалась. Он так думал.

– Она тебе нравится?

– Алиса симпатична, но я ничего не чувствую к ней! – тут же ответил Зимин, ухмыльнувшись.

– Ты врешь! – прошипела она со злобой.

– В чем же?

Казалось, что его забавляла вся эта ситуация, но на самом

деле он боялся, что сделает этим только хуже для Алисы. Лиза безумно мстительная.

– Она нравится тебе. Таким взглядом как ты смотришь на нее, ты ни на кого больше не смотришь. Только на свою младшую сестру.

– Ты ошибаешься. Мы расстаемся не из-за того, что она мне может быть симпатична или что-то такое, дура. Просто мне не нужна такая девушка, которая готова вредить всем, кто встает на твоём пути. Твоя выходка на баскетбольной площадке тебе и навредила.

– Да я вообще ее в больницу на долгое время положу, если вы с ней будете вдруг вместе.

– Ты не тронешь ее!

В его голосе звучит холод и сталь.

– А какое тебе дело до нее? Ну полежит она с месяцков в больнице, какая тебе-то разница? – фыркнула Лиза, повысив голос. Несколько учеников оглянулись в их сторону, но промолчали.

– Ты тупая? Я сказал, что ты ее не тронешь больше! И не по тому, что она может быть симпатична, а просто из-за того, что я не хочу, чтобы ты ее трогала!

Вадим резко вскочил на ноги и ударил кулаком по парте. Его вывел из себя тот факт, что его не слышат. Все должно быть так, как он сказал. Всегда. А если он хочет, чтобы было так, а не иначе, то так и будет.

– Она твоя подстилка! – прошипела Лиза, смотря в его

потемневшие от злости карие глаза.

– А это уже тебя не касается.

Он обаятельно улыбнулся ей, как умел только он, извинился перед учителем за прерванный урок и вышел вон из класса.

После рассказа Веры я была в некоем шоке. Сама она понятия не имела о ком они разговаривали, да и разговор весь она не слышала, но я сразу поняла в чем дело. Они говорили обо мне, и это из-за меня Вадим расстался со своей. Правда я не поняла зачем ему надо было с ней расставаться, но это уже не мое дело.

Вера сказала, что не сможет сегодня ко мне прийти и у мамы тоже какие-то дела, поэтому я заскучала. Проведу этот день в полном одиночестве, ведь врачи не считаются, потому что они не будут развлекать меня.

Настроившись на грустную волну, я откинулась на подушки, приняв полусидячее положение. Взяла в руки телефон и открыла соц сети, собираясь провести день в пустую, но стук в дверь поставил мою такую важную цель под угрозу.

– Входите! – крикнула я, заметив, что в палату никто не спешит заходить.

Дверь открылась и первое, что бросилось в глаза, это букет хризантем. Очень даже мило, но тут же стало интересно

чье лицо прячется за эти букетом.

– Надеюсь, что ты рада меня видеть точно так же, как и я тебя!

– Конечно! – улыбнулась я, узнав вошедшего по голосу.

Он закрыл за собой дверь и протянул мне букет, сверкнув белозубой улыбкой. По его голубым глазам и правда можно было понять, что он очень даже рад меня видеть.

Я ответила на его улыбку и положила букет на тумбочку, поставив мысленно галочку о том, что надо будет попросить у медсестры вазу с водой.

– Ну как ты тут, больная? Скоро к нам возвращаешься? – спросил парень, присаживаясь на стоящий возле кровати стул.

– Ох, Алекс, знал бы ты как я хочу домой! Обещают уже завтра выписать, слава богу.

– Мы с твоей мамой приедем тебя встречать! Можно?

Тут у меня в голове что-то щелкнуло, и я резко села в кровати.

– Вы с мамой? – уточнила я.

– Ну да. А что такого? – он пожал плечами и пристально посмотрел на меня.

– Вы... вместе что ли?

И вдруг тишина. Мы оба молчали, и тишина давила на уши. Длилось это до тех пор, пока его громкий смех не нарушил ее. Он смеялся так долго, что на его глазах выступили слезы, и он, смахнув их рукой, сказал:

– Боже, не могу! Что же это за мания у тебя такая сводить нас с твоей мамой? Мы с Ольгой просто коллеги и стали довольно хорошими друзьями!

Я выдохнула. И правда, почему мне постоянно мерещится, что Алекс метится ко мне в отчимы, если он даже ничего такого для этого не делает. Я такая глупая.

– Извини, просто... Мне трудно будет принять постороннего мужчину в семью...

– Я понимаю тебя! – он улыбнулся мне и, поддавшись вперед, крепко обнял. Я уткнулась номом ему в плечо, вдыхая аромат какого-то приятного одеколona. В этот момент я вдруг почувствовала себя в безопасности, которую не ощущала рядом с Вадимом и даже рядом с отцом.

– А с какой целью тогда ты хочешь приехать меня встречать? – спросила я, отстранившись и приняв прежнее положение.

– Скажем так, у меня есть на это свои причины! – он подмигнул мне.

– Ну, Алекс! – заскулила я, как делала, чтобы выпросить у отца новую книгу. На него всегда действовало. – Что за причины?

– Секрет, Алиса! Секрет...

– Но так не честно! – я откинула в сторону одеяло и слезла с кровати, вытягиваясь в полный рост. Я скрестила руки на груди и уставилась на Александра. – Хотя бы скажи с чем связаны твои причины! Ну пожалуйста!

– Связаны? – переспросил он, смотря на меня снизу вверх. – С чем они связаны и дураку ясно.

Он тоже встал со стула, возвышаясь надо мной. Голубые глаза будто смотрели в самую душу, но его взгляд был таким теплым. Но как я хочу видеть на его месте Вадима...

– И с чем же они связаны? – спросила я почему-то шепотом.

– С тобой... – так же шепотом ответил он, после чего наклонился ближе к моему лицу. – Они связаны только с тобой.

Я не знаю, что он хотел сделать в следующую секунду, но я поспешно отвернулась к нему и подошла к окну, смотря на задний двор больницы, в которой я лежала.

– И почему со мной? – задала я очередной вопрос бодрым голосом. – Разве оно того стоит? У вас же с мамой работа, дела, а меня бы могла встретить подруга.

– Не та ли подруга, которая в первый же день школы в больницу тебя положила? – грубо спросил Александр, явно осуждая меня.

– Нет конечно! – растерянно ответила я, поворачиваясь к нему. Он стоял все на том же месте и ладони его были сжаты в кулаки. – Та девушка благодаря которой я оказалась здесь, просто приревновала своего парня ко мне, а я говорю совсем о...

– А не того ли парня, который подвез тебя до больницы? Я бы тоже ревновал, если бы какой-нибудь парень оказывал знаки внимания моей девушке.

– Знаки внимания? Алекс, ты чего? И откуда ты знаешь, что Вадим привез меня в больницу?

– Не важно откуда я знаю. Я задал тебе вопрос.

Сейчас в его голосе явно чувствуется власть. Видимо, именно таким голосом он разговаривает со своими подчиненными. Но я не хочу, чтобы со мной так разговаривали. И при этом я слишком труслива, чтобы сказать что-нибудь против...

– Да, это к его ко мне приревновала Лиза! – ответила я. – Но что с того?

– Тебе не стоит общаться с ним!

Он вдруг оказался прямо передо мной, хватая за плечи. Я встретила с ним глазами и прочитала в них тревогу.

– Алиса, обещай мне, что не будешь общаться с ним! Пожалуйста, Алиса! Этот парень может причинить тебе очень много боли...

– Откуда тебе знать?

– Я просто знаю! Обещай мне!

– Прости, я не могу обещать того, в исполнении которого я могу быть уверена наверняка...

Я тряхнула головой и моя коса ударила меня по лицу, улегшись на моем плече. Мне хотелось сейчас отойти от Александра подальше, да и вообще чтобы он ушел.

– Спасибо за цветы, Алекс! – сказала я, приподнимаясь на носочки и целуя его в колючую щеку. – Да и вообще спасибо, что пришел, но я как-то утомилась.

– Хорошо, отдыхай! – он еще раз обнял меня и отошел к двери, где замер, положив руку на ручку. – Там нам с твоей мамой заезжать за тобой завтра?

– Я бы была не против увидеться с тобой еще раз! – кивнула я, обнимая себя руками за плечи от ветра, который подул через открытое окно.

– Ты еще обещала прийти ко мне в офис! – улыбнулся он. – Поэтому увидимся завтра, а послезавтра, после школы, я надеюсь снова увидеть тебя.

– Хорошо, – улыбнулась я.

– До завтра, солнышко! – бросил он, открыл дверь и вышел.

– Пока... – прошептала я уже пустой комнате.

Развернувшись к окну, я закрыла его и улеглась в кровати. Я закрыла глаза и уже даже задремала, но вдруг одна фраза всплыла в моей голове, и я распахнула глаза.

Солнышко?

VIII. Кто трогал мою скрипку?

На следующий день меня выписали из больницы, поэтому я спокойно собрала свои немногочисленные вещи и к обеду уже стояла на выходе.

Встречали меня мама, Вера и Алекс. Последний стоял с цветами, хотя я и не поняла зачем он их купил. Ему так нравится дарить мне цветы? Мне приятно, конечно, но зачем так часто? Вчера букет, сегодня еще один. Хорошо, что я додумалась оставить тот букет на тумбочке в вазе. Думаю, у мамы бы возникли вопросы.

– С выпиской! – улыбнулась мне Вера, обнимая. – Сегодня вечером будет просто обалденная вечеринка у одного парня. Ты просто обязана прийти! – шепнула она мне, чтобы не слышали взрослые.

Мама тоже обняла меня, забирая мой пакет с вещами, а после уже подошел Алекс. Он подарил мне хризантемы, поцеловав в щеку. Его щетина на щеках слегка уколола меня, но меня удивил сам факт того, что он поцеловал меня. Пусть в щеку, но все же. Александр. Поцеловал. Меня.

Мы с ним встретились взглядами и мне показалось, что время вдруг остановилось. Прошло от силы десять секунд, а мне показалось, что мы около минуты смотрели друг другу в глаза. Знаете, так бывает в фильмах, когда определенный отрывок показывают в замедленной съемке. Сейчас у нас бы-

ло что-то подобное.

Я поблагодарила его за цветы и поспешила к Вере, которая тут же поспешила спросить:

– А это что за красавчик?

На ее реплику я только закатила глаза и улыбнулась. Что в голове у этой чертовки?

– Начальник мамы. Они стали хорошими друзьями! – произнесла я, направляясь к черной машине, которая, вероятно, принадлежит Александру.

– И ты ему нравишься! – заметила Герц, загадочно улыбаясь.

– Что?! – переспросила я и нервно хихикнула. – Оо, нет. Этого не может быть, потому что он начальник моей мамы и у нас разница в возрасте...

Александр с мамой шли немного впереди, а мы говорили в пол голоса, поэтому они не могли слышать наш разговор. К счастью.

– Ой, и сколько у вас разница в возрасте? – фыркнула подруга на мои доводы, почему я не могу нравиться босу моей мамы. – Лет пять? Не смеши меня! Или... – она прищурилась, разглядывая меня с ног до головы, после чего улыбнулась. – Или ты влюбилась в нашего звезду школы – Зимина?

– Ты свихнулась? – мгновенно вспыхнула я. – Нет, этот идиот мне не нравится! И ничего между мной и Алексом тоже быть не может!

– Значит точно нравится!

– Ты сошла с ума!

Я не знаю как объяснить подруге, что Вадим мне не нравится и тем более не могу втолковать, что я просто не могу быть симпатична начальнику мамы как девушка. Это же бред. Ни один из этих двух представителей противоположного пола не может быть моим парнем – это и коту понятно. Но моя замечательная подруга убеждена в обратном.

Решив больше не слушать бред, который несла Вера, я догнала взрослых и всю дорогу до дома молчала. Я представляла как зайду домой, возьму в руки любимую скрипку и растворюсь в любимой мелодии.

Мама и Алекс постоянно говорили о работе, Вера уткнулась в телефон, который то и дело издавал звуки пришедших сообщений, а я смотрела прямо перед собой и шла быстрым шагом, чтобы поскорее оказаться в своей комнате, поскорее взять в руки свой любимый инструмент.

Не дожидаясь лифта, я по лестнице поднялась на нужный этаж и открыла дверь своим ключом, заходя в квартиру.

Быстро разуваясь, иду в свою комнату и вижу скрипку, которая почему-то лежала на кровати, а не в углу, куда я ее постоянно ставила.

Открываю черный футляр и в глаза сразу бросается то, что инструмент и смычок от него лежит не так, как я кладу обычно. Назревает вопрос: кто, мать вашу, посмел тронуть мою скрипку?

Так как в квартире живем только мы с мамой, то я сра-

зу выскочила в коридор, дожидаясь именно ее. Долго ждать не пришлось.

– Кто трогал мою скрипку? – спросила я, облокотившись о стену и равнодушно смотря на маму. Я всегда так делала, когда была чем-то недовольна.

– С чего ты взяла, что ее кто-то трогал? – удивлённо спросила мама. – Я в твою комнату заходила только когда собирала твои вещи и скрипку я не трогала, потому что знаю, как ты это ненавидишь.

– Ну а кто тогда трогал? – фыркнула я, не веря ни одному слову матери.

– С чего ты взяла, что ее кто-то трогал? – спокойно спросил Александр, влезая в наш с мамой в разговор.

Нехотя, я объяснила ему что не так, но разбираться в этом взрослые не стали, а я продолжила подозревать маму в том, что она трогала мою скрипку пока меня не было. Так или иначе я плюнула на все, закрылась в комнате и начала играть, оставив Веру и взрослых на кухне.

Что такого в том, что кто-то касался моей скрипки? Раньше я могла бы дать инструмент кому угодно, но никто кроме меня и папы не интересовался ей, поэтому на ней хранятся только наши с папой мелодии, прикосновения и воспоминания. После смерти папы я вдолбила себе в голову, что когда инструмент трогает кто-то другой, эти воспоминания уходят, а на замену старым воспоминаниям приходят совсем другие – новые.

Закончив играть мелодию, я начинала ее сначала. Я снова играла ту мелодию, которую обожал папа.

Резко подувший ветер бросил мои волосы мне на лицо, мешая играть. На коже выступили мурашки, и я не сразу поняла откуда можно в закрытом помещении взяться ветру. Но оказалось, что мое окно все это время было открыто. Разве я не закрывала его? Не помню. Но точно помню, что я его не открывала. По крайней мере сейчас.

Откладывая в сторону скрипку, встаю с кровати и, подойдя к окну, закрываю его. Все бы хорошо, но я заметила отпечаток ботинка на подоконнике.

Нахмурившись, я открыла обратно окно и выглянула на улицу. Недалеко от своего окна, на расстоянии вытянутой руки, оказалась аварийная лестница. Какому идиоту взбрeдет в голову мысль подниматься по аварийной лестнице на пятый этаж? Только идиоту.

Не совсем понимая, что за чертовщина была, я закрыла окно и бросилась проверять свои вещи, потому что в моей голове вдруг возникла мысль о том, что в мою комнату пробирался вор.

Осмотрев комнату, я выкинула из головы эти подозрения, так как все мои вещи и украшения были на месте и ничего не пропало. Единственное, что было не так, это скрипка. Влезать в квартиру ради обыкновенной скрипки? Это даже звучит глупо!

Я вышла из комнаты, застав только Александра на кухне.

Почему-то ни мамы, ни подружки там не оказалось.

– А где мама? – спросила я, замерев где-то в дверях.

Алекс пил кофе, что-то тыкая в своем дорогом телефоне. Он ответил, даже не поднимая головы:

– Твоя мама вышла в магазин, а Вера предупредила, что зайдет за тобой вечером. Куда вы собрались?

Вопрос прозвучал как-то властно, будто я была одной из его подчиненных на работе. Я не обязана как-то предупредить его о своих планах, но почему-то подчинилась и ответила:

– Она решила сводить меня на вечеринку у какого-то парня. – Я пожала плечами, после чего подошла к холодильнику и достала холодную колу.

– На вечеринку? – переспросил тот, убрав телефон в карман брюк.

– Да. Я ни разу на них не ходила, и она решила это исправить, хотя сама я не особо хочу. Да и мама вряд ли согласится...

– На что я вряд ли соглашусь?

Как всегда сработал закон подлости и в этот момент на кухню зашла мама, поставив пакеты с продуктами на стол. И как я не услышала, что она зашла? Да уж.

Я не хотела отпрашиваться у нее и вообще думала, что она не узнает от этой вечеринке. Но карты снова легли не в мою пользу. Как всегда.

Мне пришлось рассказать ей о вечеринке, пусть я

и не особо горела желанием. Пусть будет то, что будет, решила я и приготовилась ко всему.

– Это отличная идея! – воскликнула мама, огорошив тем самым меня. А я уже размечталась, что она не разрешит и я смогу отказать подруге и не идти. – Ты просто обязана пойти на эту вечеринку с Верочкой!

– Ты сейчас серьезно? – спросила я, не веря маминым словам.

– Конечно! Развеешься хоть, а то всегда дома со своей скрипкой торчишь!

Скрипка! Точно!

Когда мама упомянула про скрипку, я мгновенно вспомнила и про отпечаток на подоконнике, и про аварийную лестницу. Только вот мама продолжала говорить и говорить, будто не заметила моего ступора.

– Только при условии, что ты там не будешь дурить, творить глупости и подобное. Надо ли пояснять, что за глупости и дурь?

– Мама! – воскликнула я, желая рассказать о обнаруженном, но меня никто и слушать не желал.

– Что «мама»? В том-то и дело, что я в первую очередь мать, которая переживает за свое дитя!

– Здесь я соглашусь с твоей матерью. – Сказал Александр, подключившись к разговору. – Веселье – это хорошо, но лучше знать границы.

Мне хотелось выть и рвать на себе волосы от того, что ме-

ня отказывались слушать.

– Черт! Мама, Алекс, я не об этом!

– А о чем? Мы же, вроде, о дискотеке говорили все это время. Разве нет? – мама удивлённо оглянулась на своего начальника, но тот лишь пожал плечами.

– Да, мы говорили о дискотеке, и я тебя поняла, но сейчас я говорю совсем о другом! Я в своей комнате нашла отпечаток в виду ботинка на подоконнике и окно было открыто. Возле моего окна есть аварийная лестница.

Глаза мамы в миг стали как два блюдца, а Алекс явно напрыгся – я видела как сжались его ладони в кулаки.

– То есть кто-то посторонний был в твоей комнате? – проговорил он, уточняя.

– Да. – подтвердила я. – И мне теперь страшно.

– Не переживай и иди собираться на вечеринку. Мы разберемся.

Я не видела смысла спорить со взрослыми, поэтому просто развернулась и вышла из кухни.

У меня сейчас была ещё одна проблема. В чем мне идти на вечеринку?

IX. Вечеринка

– Ты уже собралась?.. Алиса, что это за чертовщина?!

Я резко села, испугавшись крика подруги. Вокруг меня повсюду валяется моя одежда, а сама я была в одном нижнем белье. И как я могла вырубиться, выбирая одежду?

– Ты чего орёшь? – проговорила я, протирая глаза руками и поднимаясь с груды одежды, на которой спала минутой ранее.

Я подошла к зеркалу и с ужасом отметила, что весь мой макияж размазался по лицу. Придется смывать эту кашу и делать новый.

– Ты серьезно? Что я кричу? Мало того, что ты не собралась ещё, так ты вообще спала! Ты меня убиваешь, подруга!

– Я просто не знаю, что мне одеть, вот откуда такие сложности, – я пожала плечами, ватным диском смывая косметику с лица.

А ещё я не хочу идти на эту вечеринку, поэтому у меня нет особого желания собираться, – добавила я мысленно, но вслух этого высказать не решилась. Если я скажу что-то подобное, то меня ждёт ураган.

Я бросила короткий взгляд на Варю и невольно позавидовала ее вкусу. Одета она хоть и просто, но стильно.

Свои осветленные волосы она уложила в высокий хвост, оставив несколько непослушных прядей опускаться на ли-

цо. Накрасилась она по минимуму: ресницы, брови, стрелки и блеск на губах. А из одежды обычная черная футболка с надписью «молодость», которая велика ей на несколько размеров, и синие джинсы с подворотами. Все просто, но, как говорила раньше, со вкусом.

– Просто то, что под руку попадется, то и пяль! – фыркнула подруга, на что я издала лишь смешок.

– Издеваешься? – я повернулась к груде одежды, закрыла глаза и вытянула одной рукой три тряпки. Открыла глаза и засмеялась. – Ты предлагаешь мне ЭТО выбрать?!

Я вытянула из кучи одежды черную юбку-солнце, розовую рубашку и белую майку. Ненавижу юбки. Ненавижу розовый. Ненавижу майки. Все, что я вытянула, не для меня!

– Можно выбрать либо майку, либо рубашку. С юбкой и то, и то хорошо будет смотреться!

Я молча отвернулась к зеркалу и продолжила заниматься лицом. Ни за что не пойду в юбке. Мне хватает моих мук в школе, но чтобы носить юбки ещё и просто так? Нет. Ни за что. Хоть убейте.

– Напомни мне, чтобы я больше никогда не просила тебя помочь мне с выбором одежды! – проворчала я, обуваясь в черные кеды на белой подошве.

На мои слова Вера лишь рассмеялась, и первая выскочи-

ла из квартиры. Ее настроение было на высоте, а я же была мрачнее тучи. Несмотря на свои принципы, сейчас я была в той самой юбке-солнце, белой майке и в черной кожаной куртке. Боже, за что мне это только? Зачем я согласилась? Лучше бы сидела дома и занималась, а то пока была в больнице, наверное, совсем разучилась в руках смычок держать.

– Далеко там до твоего знакомого? – спросила я, потому что на улице оказалось холоднее, чем я думала, а одета я полетнему легко. – Может мне лучше зайти домой и переодеться во что-нибудь более теплое, пока не поздно?

– Его дом находится за городом, но не переживай. Ты не успеешь замерзнуть, потому что на сегодняшний вечер и, может быть, ночь у нас есть личный водитель. – Она умолкла, о чем-то задумавшись, а после добавила: – По крайней мере, туда он нас точно увезет.

– А обратно? – задала я сам собой напрашивающийся вопрос. – Кто увезет нас обратно?

– Боже, ты как маленькая! Обратно на такси вернёмся, если что.

Пфф, а ты, дорогая подруга, предупредила меня с собой деньги взять?

Я засунула руки в карманы куртки и нащупала пару купюр. В этот момент я понадеялась, что это не десятирублевые бумажки.

– И кто же нас так любезно согласился подвезти? – спросила я про между прочим, наблюдая, как возле нас остано-

ливается черная машина.

– Привет, Вадим! – радостно воскликнула Вера, садясь на переднее сидение. Мои глаза закатилась сами собой, но я все же забралась в салон машины. И почему я не удивлена? Этого вполне можно было ожидать.

Хотя нет. Черта с два я думала, что отвезить меня на мою первую в жизни вечеринку будет Вадим Зимин. Я бы в последнюю очередь подумала, что меня отвезет он. Черт возьми, Вера же знает о наших с ним отношениях и все равно попросила его?

«– Ты молчишь, а взамен находишься под моей защитой...» – так удачно всплыла в моей голове его фраза.

– Привет, телохранитель, – бросила я, расслабившись. – Как дела?

Подруга, конечно же, не поняла, почему я назвала его телохранителем, потому что я не рассказывала ей о поставленном условии. И не собираюсь пока что рассказывать. Но он все прекрасно понял. Не мог не понять.

– Рад, что с тобой все в порядке, и ты уже спокойно можешь ходить на вечеринки! – холодно проговорил он.

Через зеркало заднего вида я поймала его выразительный взгляд, и мне стало немного жутко. Сегодня он явно очень злой, поэтому до конца дороги я предпочла молчать в тряпочку.

Герц и Вадим о чем-то разговаривали всю дорогу, и подруга не заметила его плохого настроения. Ехали мы около

получаса.

Знакомый Веры, который устраивает эту вечеринку, живёт в каком-то дачном поселке. Дорогие коттеджи сменяли друг друга и были безумно похожи. Если бы не таблички с номерами домов, то я понятия не имею, как бы хозяева их различали.

Узнать нужный нам дом оказалось проще простого из-за большого количества людей, громкой музыки и яркого света.

– Мы приехали, дамы. Прошу на выход из моего шикарного автомобиля. Можете не благодарить, что подвёз! – проговорил Зимин и остановил машину около ворот.

– Где Вероника?

Это был мой первый вопрос, который я задал своему отцу с того нашего последнего разговора. До этого мы старались не пересекаться в доме, а если такое случалось, то всегда делали вид, будто не замечаем друг друга.

Я бы и слова ему не сказал просто так, но сейчас, когда на улице начало темнеть, я не нашел своей сестры у себя в комнате и меня это встревожило. Обычно в это время она всегда сидит у себя в комнате, занимаясь уже какими-нибудь своими делами. Я обошел весь дом, думая, что она просто где-то играет, но моя сестра будто и не приходила сегодня домой.

– Не знаю, – пожал плечами мужчина. – Я сегодня не видел ее.

От того, что отцу было глубоко плевать на свою родную дочь, во мне проснулась ярость. Ладно, я, я уже взрослый парень и смогу позаботиться о себе, но она лишь маленькая глупая девочка. Он должен хоть немного быть ответственным за нее. Он должен хоть немного ее любить. Так почему же ничего нет в его душе? Почему он словно камень?

За этот час, что ее не было дома, я тысячу раз пожалел, что не купил ей телефон. Я пытался вырастить ее обычным ребенком, словно это моя дочь, и считал, что ей ещё рано телефон. Она спокойно ходила на свои занятия по живописи и ещё ни разу не было такого, чтобы она задерживалась. Меня это очень беспокоило.

Я позвонил преподавателю Вероники по изобразительному искусству, но женщина сказала, что моя сестра сегодня совсем не приходила на занятия. Это озадачило меня ещё больше, потому что я знаю как дорого для нее рисование.

Мой телефон резко зазвонил, отчего я подскочил с кресла и подлетел к столу, на котором его оставил. Звонил неизвестный номер, поэтому я быстро ответил на вызов.

– Привет! У меня к тебе небольшая просьба! – услышал я голос Веры Герц. Черт, а я очень надеялся, что это звонят мне на счёт сестры.

Я очень переживаю за нее, потому что она мой самый близкий и родной человек. Она единственная с кем я тот,

кто есть. Только с ней я могу быть обычным любящим братом. Я люблю ее. И хочу быть для нее примером. Мне это удавалось до сих пор.

Герц попросила меня подвезти ее и Алису на вечеринку к Максу, и я согласился, потому что мне все равно ехать туда. Мы договорились о времени и куда мне подъехать, а после распрощались.

Я услышал, как хлопнула входная дверь, и выскочил из своей комнаты, торопясь в холл.

Вероника.

Слава Богу, с ней все в порядке!

– Привет! – как ни в чем не бывало, сказала сестра, разуваясь.

Она привычно подошла ко мне, обняла и пошла к лестнице, чтобы уйти к себе в комнату, но я быстро поймал ее за локоть.

– Где ты была? – требовательно спросил я.

– На рисовании. – Ответила она, пожав плечами. Это был первый раз, когда моя сестра солгала мне. – Почему ты спрашиваешь?

И я взбесился. Меня вывело то, что мне нагло лгали, смотря в глаза. И ведь даже не краснеет. Я бы даже поверил, если бы не разговаривал с ее преподавателем. Неужели это не первый раз, когда моя сестра мне лжет?

– Ты время видела? – я сунул ей в лицо свою левую руку, на запястье которой были наручные часы. – Неужели ты

лишних полтора часа была на рисовании?

– Я заканчивала рисунок.

– Ты издеваешься надо мной? – взревел я, крича на сестру. Первый раз я повышаю на нее голос. Но и она первый раз лжет мне. – Я разговаривал с Марией, и она мне четко дала понять, что на занятиях тебя сегодня не было совсем! Где ты была? Отвечай!

Неожиданно Вероника вырвала свой локоть и побежала к лестнице. Остановившись на первой ступеньке, она повернулась ко мне и с ненавистью будто выплюнула:

– А ты мне кто вообще, чтобы я отчитывалась перед тобой? Скажи, кто?!

– Я не понимаю, что это за психи? Какого черта, ты сейчас психуешь? Объясни мне все!

Она только открыла рот и начала что-то говорить, но ее голос заглушил резко прозвеневший звонок. Я повернулся к двери и увидел через окно Лизу.

– Иди к себе в комнату! – сказал я сестре, подходя к двери. Она что-то буркнула, но свалила, а я поспешно открыл дверь. Что она здесь забыла? Лиза прекрасно знает, что я не желаю видеть девушек вблизи своего дома.

Нехотя, я открыл дверь, и девушка влетела в мой дом, даже не спросив разрешения войти. Меня это возмутило.

– Какого черта ты приперлась? – грубо спросил я, закрывая дверь.

Сегодня она выглядела как-то не как обычно. Какая-то

взвинченная, неопрятная, взлохмаченная и без той тонны косметики на лице, из-за которой ее называли штукатуркой. Сейчас, лице зрея ее почти без косметики, она показалась мне абсолютно обычной страшненькой девушкой.

– Нам нужно поговорить! – твердо сказала она, хрустя пальцами, что делала, обычно, при волнении.

Не особо понимая, в чем дело, я молча указал на лестницу, и мы поднялись в мою комнату, где я запер дверь и повернулся к незваной гостье, скрестив руки на груди.

– Ну, – поторопил ее я, заметив, как по-свойски она усе-лась в моем кресле, закинув ногу на ногу. – Говори что хотела, потому что мне сейчас вообще не до тебя.

Лиза хмыкнула и ухмыльнулась. Понятия не имею, о чем может пойти речь.

– Что-то тебе было до меня дело, когда ты пользовался мной. – Произнесла она, вводя меня в заблуждение.

– А это тут при чем? – спросил я. – Мы встречались, и это было естественно, что мы спали.

– Да, это было естественно... – пробормотала она, смотря куда-то в окно. Какое-то время она молчала, о чем-то напряженно думая, после чего перевела на меня взгляд своих серых глаз и грубо выплюнула: – Только вот предохраняться тебя, кажется, не научили!

В прямом смысле я впал в ступор. Только этого мне не хватало, серьезно.

– То есть, ты хочешь сказать...

– Да, Зимин! – нервно хохотнула она. – Да, черт тебя побери, я залетела от тебя!

Мы часто совершаем ошибки, но кто бы мог подумать, что моя окажется таких больших размеров.

– Делай аборт, – сказал я, пожимая плечами. – Мне не нужен этот ребенок.

Она будто остолбенела. В ее взгляде что-то изменилось в этот момент. Я не мог не заметить этих изменений. Ее лицо как-то странно вытянулось, черты лица заострились, но она ничего не сказала. Просто молча поднялась на ноги и направилась в сторону двери.

Проходя мимо меня, она бросила через плечо:

– Спасибо, что испоганил мне жизнь. Огромное человеческое спасибо!

И покинула мою комнату.

Да, я просто безумно поганый человек. Мне нечего скрывать. Когда выбор стоит между мной и еще кем-то, я всегда выбираю себя. Моя шкура мне дороже, чем благополучие других. Я – эгоист. Так было и будет всегда.

Мне не нужен этот ребенок. Я еще слишком молод, чтобы брать на себя такую огромную ответственность. Мне рано еще заводить семью и быть молодым папашей. Увольте.

Боже, что я здесь делаю? Зачем я пришла? Я уже совсем

не знаю куда идти и что мне делать!

Вадим свалил сразу, как только мы зашли в дом, Вера немного потусовалась со мной, а потом я просто потеряла ее из виду. В итоге я осталась одна в абсолютно незнакомом мне доме.

Дом оказался, кстати говоря, просто огромным и полностью заполнен людьми. Первое время (около получаса) я надеялась, что моя подруга сама меня найдет, но этого так и не произошло. Тогда я встала с диванчика, на котором сидела все это время, рассматривая людей, и пошла, обследовать дом, надеясь найти Герца.

На первом этаже ее явно не было, хотя в этой толпе я могла бы ее не заметить, поэтому я поднялась на второй этаж, где было немыслимое количество комнат. Открывая дверь за дверью, комнаты были либо пустыми, либо кто-то там занимался теми вещами, о которых мне знать еще совсем рано. В такие моменты краска прилиwała к моему лицу, я бормотала извинения и спешила закрыть дверь.

Слава Всевышнему, мне повезло, и я все же смогла отыскать свою ненаглядную подругу в одной из комнат. Она сидела в какой-то компании ребят и курила кальян. Здесь же был и Зимин, который просто сидел в кресле и потягивал какую-то жидкость из пластикового стаканчика, наблюдая за ребятами.

Я зашла в комнату и Вера сразу же заметила меня.

– Боже, Алис! А я все думаю, куда же ты так внезапно про-

пала! – проговорила девушка заплетающимся языком. Кто-то уже успел прилично напиться.

– Хочу заметить, что это ты бросила меня! – произнесла я, неуверенно стоя в пороге комнаты.

Вера выпустила струю густого дыма в мою сторону и возмутилась:

– Бросила! Фи, какое противное слово! Я вовсе не...

Возмущаться сейчас, по идее, должна была бы я, потому что это она вытащила меня из тихого дома на эту вечеринку, где я совсем никого не знаю, и оставила меня на произвол судьбы.

Мы не поссорились чисто из-за того, что какой-то парень предложил нам успокоиться и протянул мне стаканчик с каким-то напитком.

– Выпей. Расслабься! – сказал он. – А то напряженная какая-то.

Я вежливо отказалась, парень немного пододвинулся, и я смогла сесть на краешек дивана, обтянутого черной материей.

Сама по себе комната обставлена очень стильно и со вкусом, хотя заметить все детали мне мешал дым от кальяна. Смогла отметить только, что здесь два дивана, три кресла, двуспальная кровать, плазменный телевизор, висящий на противоположной стене от меня и журнальный столик.

– Ребят, а может поиграем в правду или действие? – предложила Вера присутствующим. Все ее поддержали, и кто-то

отправился искать пустую бутылку.

Помимо меня, Веры, Вадима и того парня, который сидел справа от меня, здесь было еще человека три. Две девушки и один парень.

Я решила ничего не отвечать на предложение Веры. Сейчас ее меньше всего волновало мое мнение, потому что все ее внимание было переключено на сидящего рядом со мной парня. Она строит ему глазки.

– Ты точно не будешь ничего пить? – спросил он меня.

Я покачала головой.

– Я бы не отказалась от стакана холодной воды, но сомневаюсь, что в этом доме ее можно найти где-нибудь еще помимо унитаза в туалетах.

Кто-то посмеялся над моими словами, но большинство просто не обратило внимания.

Вскоре принесли бутылку и первая начала крутить предложившую игру, то есть Вера. Горлышко бутылки указало на понравившегося ей парня.

– Глеб, правда или действие? – спросила она, с энтузиазмом в глазах.

– Действие.

Это храбро с его стороны. Я лучше буду всегда отвечать правду, а то мало ли, что взбредет в голову пьяным людям. Правила, они не обговаривали, поэтому игра без ограничений. Надеюсь, мне сегодня повезет, и я не буду участвовать в этой игре.

Подруга как-то загадочно посмотрела на меня, а потом выпалила:

– Напой соседа слева.

Увы, соседом слева оказалась я. Почему я могла подумать, что мне повезет?

Глеб посмотрел на меня с каким-то сожалением и протянул мне стаканчик с красной жидкостью.

– Прости, такова игра. – Просто сказал он, и я взяла стаканчик, выпивая его содержимое залпом. По горлу разлилось тепло, а во рту был горький привкус. – Сколько мне надо ей спить?

– Пока она не станет хоть немного пьяна! – ответила подруга, за что я бросила на нее злой взгляд.

Парень протянул мне второй стаканчик, я взяла его в руки, но сделала лишь небольшой глоток, не желая больше проглатывать его содержимое в один большой глоток. Я никогда раньше не пила, поэтому что-то мне подсказывает, что мне быстро ударит в голову.

Тем временем игра продолжалась. Глеб взял в руки бутылку, крутанул, и она указала на незнакомую мне девушку. Он задал ей какой-то вопрос, получил ответ и потом уже она крутила бутылку.

К тому моменту, когда горлышко бутылки указало на меня, я выпила уже пять стаканчиков и моя голова начала кружиться. Мое настроение поднялось как-то само собой, и я уже сама с азартом следила, как кто-то поднимает майки

и бегают по первому этажу, кто-то уединяется в соседней комнате, или же целуется. Почти все выбирали действие, потому что так оказалось намного веселее и интереснее.

– Алиса, правда или действие? – спросила меня Вера, которая к этому моменту была уже в хлам пьяна.

Почему-то сейчас мне в голову пришла мысль, что на Вадима горлышко ни разу не указало или же я просто пропустила этот момент? Хотя, в обще-то, не важно.

– Действие! – твердо сказала я, обнаружив в себе какую-то неведомую мне ранее смелость. Почему-то сейчас мне казалось, что я многое смогу и что все мне по зубам.

Какое-то время девушка размышляла, а потом на ее лице появилась такая безумная улыбка, что мне даже стало немного жутко. В ее светленькой головке могут быть поистине черные мысли.

– Сейчас ты едешь к босу своей матери и целуешь его!

Я ожидала от нее чего угодно, но не этого. Ехать к Алексу, начальнику моей мамы и целовать его... Это хуже секса с незнакомым мне мужчиной! А что если он сочтет меня сумасшедшей и все расскажет маме? Что если этот поцелуй будет нести за собой уйму последствий? Страшно представить, что меня может ожидать после этого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.